Д 5

ЖИЗНЬ ЗАМѢЧАТЕЛЬНЫХЪ ЛЮДЕЙ
БІОГРАФИЧЕСКАЯ БИБЛІОТЕКА Ф. ПАВЛЕНКОВА

ДАЛАМБЕРЪ

ЕГО ЖИЗНЬ И НАУЧНАЯ ДѢЯТЕЛЬНОСТЬ

БІОГРАФИЧЕСКІЙ ОЧЕРКЪ

Е. Ѳ. Литвиновой.

2598

Съ портретомъ Даламбера, гравированнымъ въ Лейпцигѣ Геданомъ.

ЦѢНА 25 КОП.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія Ю. Н. Эрлихъ, Садовая, № 9.
1891.

(К)

„Пров 38"

Популярно-научныя книги.

ПРЕДСКАЗАНІЕ ПОГОДЫ. Далле. Перев. съ франц. Съ 41 рис. Цѣна 1 р. 25 к.

ФИЗІОЛОГІЯ ДУШИ. А. Герцена. профессора Лозан. университета. Съ франц. Ц. 1 р.

МІРЪ ГРЕЗЪ. Д-ра Симона. Сновидѣн. галлюцинаціи, сомнамбулизмъ, экстазъ. гипнотизмъ, иллюзіи. Съ франц. Ц. 1 р.

РУЧНОЙ ТРУДЪ. Составилъ Графиньи. Домашнія занятія ремеслами. Съ франц. 400 рис. Ц. 1 р. 50 к.

ЭКСТАЗЫ ЧЕЛОВѢКА. П. Мантегацца. Пер. съ 5-го итальян. изд. Ц. 1 р. 50 к.

ПРОГРЕССЪ НРАВСТВЕННОСТИ. Летурно. Перевела съ франц. Эл. Зауеръ. Ц. 1 р. 50 к.

УМСТВЕННЫЯ ЭПИДЕМІИ. Д-ра Реньяра. Перевела съ франц. Эл. Зауэръ. Съ 110 рис Ц. 1 р. 75 к

КОТОРЫЙ ЧАСЪ? И. Вавилова. Провѣрка часовъ безъ помощи часовщика и устройство солнеч. часовъ. Съ 13 рис Одобрено Академіей Наукъ. Цѣна 30 к

СВѢТЪ БОЖІЙ. Популярные очерки міровѣдѣнія. 5-е изданіе, въ первый разъ иллюстрированное 60 рис. Ц. 30 к.

ОБЩЕДОСТУПНАЯ АСТРОНОМІЯ. Фламмаріона Съ франц. 100 рис. Ц. 1 р. 25 к

ЭЛЕКТРИЧЕСКІЕ АККУМУЛЯТОРЫ. Э. Ренье. Перевелъ и дополнилъ Д. Головъ. Съ 76 рис. Цѣна 1 р. 25 к.

ЭЛЕКТРИЧЕСКОЕ ОСВѢЩЕНІЕ. В. Чиколева. съ 151 рис. Ц. 2 р. 50 к.

ЧУДЕСА ТЕХНИКИ И ЭЛЕКТРИЧЕСТВА. В Чиколева. Ц. 30 к.

О БЕЗОПАСНОСТИ ЭЛЕКТРИЧ. ОСВѢЩЕНІЯ. В. Чиколева. Ц. 25 к.

ЭЛЕКТРИЧЕСТВО И МАГНИТИЗМЪ А. Гано и Ж. Маневрье. Перев. Ф. Павленкова, В. Черкасова и С. Степанова. Съ 340 рис. Ц. 1 р. 50 к.

СПРАВОЧНАЯ КНИЖКА ПО ЭЛЕКТРОТЕХНИКѢ. В. Чиколева. Ц. 75 к.

ПОПУЛЯРНЫЯ ЛЕКЦІИ ОБЪ ЭЛЕКТРИЧЕСТВѢ И МАГНИТИЗМѢ. О. Хвольсона. Съ 230 рис. 2-е изданіе. Ц. 2 р.

ГЛАВНѢЙШІЯ ПРИЛОЖЕНІЯ ЭЛЕКТРИЧЕСТВА Э. Госпиталье. Пер. С. Степанова, со 145 рис. 2-е изд. Ц. 2 р. 50 к.

ЭЛЕКТРИЧЕСТВО ВЪ ДОМАШНЕМЪ БЫТУ. Э. Госпиталье. Пер. съ франц. С. Степанова. Со 157 рис. Ц. 2 р.

ЭЛЕКТРИЧЕСКІЕ ЗВОНКИ. Боттона. Съ краткими свѣдѣніями о воздушныхъ звонкахъ. Съ 114 рис. Перев. съ англійскаго и дополнилъ Д. Головъ. Ц. 1 р

СОВРЕМЕННЫЕ ПСИХОПАТЫ. Д-ра Кюллера. Переводъ съ франц. Ц. 1 р. 50 к.

ПСИХОЛОГІЯ ВНИМАНІЯ. Д-ра Рибо. Переводъ съ французскаго. Ц. 50 к.

ПСИХОЛОГІЯ ВЕЛИК. ЛЮДЕЙ. Жоли. Перев. съ франц. 2-е изд. Ц. 1 р.

ГЕНІАЛЬНОСТЬ И ПОМѢШАТЕЛЬСТВО Ц. Ломброзо. Съ рис. Ц. 2 р.

ЧТО СДѢЛАЛЪ ДЛЯ НАУКИ Ч. ДАРВИНЪ? Съ портретомъ Дарвина. Переводъ Г. Лопатина, Ц. 75 к.

ХЛѢБНЫЙ ЖУКЪ. Чтеніе для народа, съ 3 рис. Барона Н. Корфа. Ц. 10 к.

ВРЕДНЫЯ ПОЛЕВЫЯ НАСѢКОМЫЯ. Сост. Иверсенъ. Съ 43 рис. Ц. 80 к.

ВОЗДУШНОЕ САДОВОДСТВО. П. Жуковскаго Съ 72-мя рис. Ц. 60 к.

ЭЙФЕЛЕВА БАШНЯ. Сост. Г. Тисандье. Съ рис. Переводъ съ француз. Ц. 50 к.

СОЦІАЛЬНАЯ ЖИЗНЬ ЖИВОТНЫХЪ. Эспинаса. Перев. съ франц. Ф. Павленковъ. 500 стр., Ц. 2 р. 50 к.

ЧАСТНАЯ МЕДИЦИНСКАЯ ДІАГНОСТИКА: Профес. Да-Коста. Съ нѣм. 704 стр., 43 рис. Ц. 3 р. 50 к

ЕДИНСТВО ФИЗИЧЕСКИХЪ СИЛЪ. Опытъ популярно-научней философіи. А. Секки. Перев. съ франц. Ф. Павленкова. 2-е изд. Ц. 2 р. 50 к.

БЕРЕГИТЕ ЛЕГКІЯ! Гигіеническія бесѣды д-ра Нимейера. Съ 30 рис. Ц. 75 к.

ЖИЗНЬ НА СѢВЕРѢ И ЮГѢ. А. Брема. (Дополненіе къ „Жизни животныхъ"). Со многими рисунками 2 тома. Цѣна за оба 2 р.

ТЕЛЕФОНЪ И ЕГО ПРАКТИЧЕСКІЯ ПРИМѢНЕНІЯ. Д-ра Мейра и Приса. Съ 293 рис. Ц. 2 р. 50 к.

ЭЛЕКТРИЧЕСКІЕ ЭЛЕМЕНТЫ Ніоде. Переводъ съ французск. Со многими рисунками. Ц. 2 р.

ДОМАШНЕЕ ЭЛЕКТРИЧЕСКОЕ ОСВѢЩЕНІЕ Д. Селоменса. Перев. съ англійс. Д. Головъ. Со мног. рисун. Ц. 1 р.

НА ВСЯКІЙ СЛУЧАЙ! Научно-практическіе совѣты сельскимъ хозяевамъ А. Альмедингена Ц. 60 к.

ПЕРВОБЫТНЫЕ ЛЮДИ. Дебьера. Перев. съ французск. М. Энгельгарта. Со многими рисун. Ц. 1 р.

ДАРВИНИЗМЪ. Популярное изложеніе ученія Дарвина въ примѣненіи къ жизни растеній, животныхъ и человѣка. Ц. 60 к.

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 3 Іюля 1891 г.

Даламберъ.

ДОВ. ЦЕНЗ. СНВ. 26 СЕНТ. 1891 г. ТИП. ТОВ. „ОБЩ. ПОЛЬЗА", В. ПОДЪЯЧ., 39

ОГЛАВЛЕНІЕ.

стр.

ВВЕДЕНІЕ 5

I. Отецъ и мать Даламбера.—Первые дни его жизни.—Воспоминанія Даламбера о своемъ раннемъ дѣтствѣ.—Госпожа Руссо, его кормилица.—Первый учитель.—школьное образованіе.—Вступленіе въ жизнь.—Общій очеркъ дѣятельности Даламбера 7

II. Портретъ Даламбера, набросанный имъ самимъ.—Личная и частная жизнь Даламбера. 18

III. Даламберъ, Фридрихъ король Прусскій и Екатерина Великая.—Сужденіе Даламбера о Христинѣ, королевѣ шведской.—Рѣчь его въ присутствіи короля Даніи . . . 40

IV. Даламберъ—авторъ энциклопедіи.—Дѣятельность Даламбера во французской академіи и въ академіи наукъ.—Отношеніе Даламбера къ Лагранжу и Лапласу. 56

V. Философско-литературная дѣятельность Даламбера.—Заслуги Даламбера въ области механики, чистой математики, математической физики и астрономіи.—Общій характеръ этихъ заслугъ 66

VI. **ПРИБАВЛЕНІЕ.**—Мысли Даламбера о воспитаніи женщинъ, о театрѣ и объ искусствѣ переводить 76

Важнѣйшими пособіями при составленіи настоящаго очерка служили:

Oeuvres complètes de d'Alembert 18 v.

Oeuvres philosophiques, historiques et litteraires de d'Alembert, Melanges par d'Alembert.

Les grands écrivains français. D'Alembert par Joseph Bertrand membre de l'académie française et secretaire perpetuel de l'academie des sciences. Paris. 1889.

Friedrich der Grosse in seinem Verhältniss zu der Philosophie seiner Zeit und der Vorzeit. Von Zeller.

Madame Geoffrin. Mèmoires de Marmontel Julien Perey.

ВВЕДЕНІЕ.

Заслуги великаго человѣка не всегда можно сдѣлать вполнѣ понятными всѣмъ и каждому; большею частію для этого необходимо основательное знаніе какого нибудь предмета, но общественная и частная жизнь генія есть наше общее достояніе; она представляетъ наслѣдіе вѣковъ и заключаетъ въ себѣ всегда много поучительнаго. Всякій человѣкъ, знакомый съ механикой, знаетъ *законъ Даламбера*, понимаетъ его значеніе и съ уваженіемъ произноситъ это имя. Истинный же математикъ и астрономъ говоритъ о Даламберѣ съ восторгомъ и благоговѣніемъ, потому что видитъ въ немъ преемника Ньютона и великаго учителя Лагранжа и Лапласа. Математики, физики, астрономы назовутъ его также величайшимъ философомъ въ томъ смыслѣ, въ какомъ это можетъ относиться къ Ньютону. Человѣкъ, обладающій широкимъ общимъ образованіемъ, непремѣнно проникнутъ глубокимъ уваженіемъ къ Даламберу, какъ къ одному изъ главныхъ сотрудниковъ знаменитой энциклопедіи XVIII столѣтія. Для всѣхъ этихъ людей жизнь Даламбера должна представлять безспорный интересъ. Но можно, не имѣя ни спеціально математическаго знанія, ни большого общаго образованія, получивъ общее понятіе о дѣятельности Даламбера, *почувствовать* необыкновенную силу его ума и *ощутить* великость заслугъ, оказанныхъ имъ человѣчеству.

Мы сказали, что жизнь великихъ людей есть общее достояніе, наслѣдство, оставляемое великимъ человѣкомъ всѣмъ людямъ; въ этомъ отношеніи можно сказать, что Даламберъ завѣщалъ намъ много весьма цѣннаго. Его чистая жизнь была достойна его великаго ума; къ нему можно отнести извѣстныя слова Веневитинова: «Въ немъ умъ и сердце согласились». Чрезвычайная

живость, простота и естественность были отличительными чертами его характера. Занятія наукой всегда представляются со стороны чѣмъ-то чрезвычайно скучнымъ и сухимъ, но жизнь Даламбера способна побѣдить это предубѣжденіе; она рисуетъ намъ ученаго совсѣмъ не такимъ, какимъ мы привыкли его себѣ представлять, а простымъ, живымъ человѣкомъ.

Даламберъ ставилъ въ большую заслугу римскому историку Тациту то, что онъ умѣлъ *просто* говорить о *важныхъ* предметахъ. Признавая это большимъ достоинствомъ, мы должны отдать справедливость самому Даламберу, съумѣвшему выполнить свое великое назначеніе, оказать важныя и сложныя услуги человѣчеству такъ просто, трогательно и естественно!

I.

Отецъ и мать Даламбера.—Первые дни жизни Даламбера.—Воспоминанія Даламбера о своемъ раннемъ дѣтствѣ.—Госпожа Руссо—кормилица.—Первый учитель.—Школьное образованіе.—Вступленіе въ жизнь.

Даламберъ—сынъ французскаго рыцаря, генерала Детуша (Destouches) и извѣстной въ то время писательницы Тансень (de Tencin). Отношенія Детуша къ матери Даламбера извѣстны намъ очень мало—также, какъ и самая личность этого французскаго генерала. По обязанностямъ службы онъ находился за границей въ то время, когда у него въ Парижѣ родился сынъ, который черезъ нѣсколько часовъ послѣ своего рожденія (17 ноября 1717 года) былъ найденъ полиціей на ступеняхъ одной маленькой церкви Сенъ-Жанъ-Леронъ. Ребенокъ былъ такъ слабъ, что коммиссаръ полиціи, говорятъ, изъ жалости не отправилъ его въ домъ найденышей. Онъ при крещеніи былъ названъ Жаномъ Батистомъ Лерономъ и отданъ въ деревню кормилицѣ. По всей вѣроятности, не одна только жалость руководила полицейскимъ въ этихъ заботахъ; должно быть онъ зналъ, что за ребенка будутъ платить—и не ошибся. Детушъ, вернувшись въ Парижъ, началъ наводить справки о своемъ сынѣ у матери ребенка, которая однако, желая совершенно его забросить, очень неохотно уступила настоятельнымъ просьбамъ отца—отыскать мальчика. Изъ этого можно было заключить, что Тансень не любила Детуша, который въ дѣйствительности былъ для нея однимъ изъ многихъ. Детушъ, какъ видно изъ отношеній его къ сыну, былъ одаренъ добрымъ, чувствительнымъ сердцемъ. Можно понять, какъ жестоко заставляла его страдать безсердечная женщина, рѣшившаяся бросить чуть живого ребенка. Такое отношеніе къ сыну было не только слѣдствіемъ полнѣйшаго равнодушія къ отцу; Тансень изъ самолюбія хотѣла скрыть рожденіе ребенка

но ребенокъ остался живъ, сдѣлался великимъ человѣкомъ, и весь міръ узналъ, что она была матерью Даламбера, и притомъ недостойною! Это, разумѣется, въ нравственномъ отношеніи. Ея умственныя способности были выше обыкновенныхъ. Изъ біографіи ея мы узнаемъ, что она была талантливая писательница; ея романы охотно читались, а нѣкоторые изъ нихъ, преимущественно историческіе, и теперь не лишены интереса.

Тансень была хороша собой и въ свое время также слыла гостепріимной, остроумной хозяйкой салона, который охотно посѣщали извѣстные писатели, артисты и даже высокопоставленныя лица. Несмотря на все это, математикъ Бертранъ справедливо говоритъ, что отъ *такой* матери слѣдуетъ всякому изъ насъ съ презрѣніемъ отвернуться. Однако мы скажемъ о ней нѣсколько словъ, имѣя въ виду вопросы наслѣдственности, возбуждающіе общій интересъ. Тансень первые годы своей юности провела въ монастырѣ; родные, по неизвѣстнымъ намъ причинамъ, убѣдили ее сдѣлаться монахиней. Скоро впрочемъ монастырская жизнь сдѣлалась ей невыносимой, и она уѣхала въ Парижъ, гдѣ черезъ какого-то вліятельнаго человѣка ей удалось получить разрѣшеніе отъ папы оставить монастырь, нарушивъ данный Богу обѣтъ. Въ біографіи ея мы находимъ цѣлый списокъ возлюбленныхъ бывшей монахини, начиная съ регента Франціи и кончая ея домашнимъ врачемъ. Эта женщина всегда обладала большими средствами и въ свое время пользовалась вліяніемъ, вообще—ничѣмъ не стѣснялась, но стыдилась признать своего единственнаго сына, которымъ могла бы во всѣхъ отношеніяхъ только гордиться. Генералъ Детушъ, отецъ Даламбера, занимаетъ четвертое, но далеко не послѣднее мѣсто въ длинномъ спискѣ ея друзей. По свидѣтельству своихъ знакомыхъ, Тансень, отличавшаяся въ сущности большимъ безсердечіемъ, обладала наружной мягкостью, вкрадчивостью и имѣла опасный даръ становиться со всѣми на короткую ногу. Дома она держала себя съ своими гостями, какъ бойкая хозяйка съ нахлѣбниками, называла собиравшееся у нея общество своимъ звѣринцемъ, дарила своимъ гостямъ различныя принадлежности туалета, величала ихъ ласковыми уменьшительными именами; однимъ словомъ, обращалась съ ними и свысока, и попросту. Многіе о ней говорили: если госпожѣ Тансень понадобится почему нибудь

васъ отравить, она нисколько не задумается это сдѣлать, но будьте покойны: она выберетъ самый тонкій и нѣжный ядъ. Все это, какъ хотите, напоминаетъ Матрешу изъ «*Власти тьмы*» графа Толстого, который такъ удачно обрисовалъ типъ сладкогласной злодѣйки. Однако госпожа Тансень обладала также и достоинствами: она была не только безспорно умна, но остроумна и наблюдательна; ей приписываютъ множество удачныхъ изреченій. Напримѣръ, она говорила, что ремесло писателя — самое жалкое; всякій сапожникъ, когда шьетъ сапоги, знаетъ навѣрное, что его работа сойдетъ съ рукъ. Писатель же никогда не можетъ ожидать того же отъ своей книги, какъ бы хороша она ни была; или еще въ такомъ родѣ: великіе люди всегда ошибаются въ другихъ, потому что не могутъ себѣ представить, до *какой степени* обыкновенные бываютъ глупы и т. д. Мы увидимъ, что знаменитый сынъ этой женщины унаслѣдовалъ нѣкоторыя свойства ея ума и никакихъ чертъ ея характера. Легко себѣ представить, что нравственная физіономія Даламбера явилась бы передъ нами совершенно иною, если бы его воспитала *такая мать*; она привила бы ему, несомнѣнно, много вредныхъ привычекъ, отъ которыхъ онъ былъ избавленъ, выростая среди простыхъ и добрыхъ людей, не видя примѣровъ роскоши, мотовства и лицемѣрія.

Мы приведемъ здѣсь разсказъ г-жи Сюаръ о раннемъ дѣтствѣ Даламбера, записанный ею со словъ его самого; она говоритъ въ своихъ мемуарахъ: «Даламберъ всегда съ почтеніемъ произносилъ имя своей матери и отца, отличавшагося воинскими доблестями и высокой честностью».

«Даламберъ разсказывалъ мнѣ также, что кормилица, г-жа Руссо, взяла его на свое попеченіе въ то время, когда голова ребенка была не больше обыкновеннаго яблока; руки висѣли какъ плети, пальцы были тонки какъ спицы. Отецъ, взявъ его изъ деревни, отыскивалъ ему кормилицу въ городѣ, разъѣзжая по улицамъ Парижа съ своимъ чуть живымъ, спеленатымъ крошечнымъ сыномъ и усердно кутая его въ свой плащъ. Ни одна женщина не бралась его кормить, думая, что онъ готовъ сейчасъ отдать послѣднее дыханіе. Наконецъ добрая госпожа Руссо сжалилась надъ отцемъ и надъ брошеннымъ матерью бѣднымъ маленькимъ существомъ; она согласилась взять его на свое попеченіе и обѣщала убитому горемъ Детушу употребить всѣ стара-

нія, чтобы сохранить жизнь его сыну. И ей удалось какъ нельзя лучше исполнить это обѣщаніе».

«Даламберъ говорилъ, что отецъ часто навѣщалъ его у кормилицы, радовался его дѣтской рѣзвости, восхищался отвѣтами пятилѣтняго сына, въ которыхъ видѣлъ проявленія необыкновеннаго ума; скоро онъ отдалъ мальчика въ школу, и учитель вполнѣ раздѣлялъ восторги отца».

«Детушъ, навѣщавшій изрѣдка г-жу Тансень, не переставалъ говорить ей объ ихъ сынѣ; наконецъ ему удалось заинтересовать ее настолько, что она согласилась поѣхать съ отцомъ, чтобъ взглянуть на мальчика. Во время этого визита Детушъ, лаская ребенка, сказалъ его матери: «Не правда-ли, сударыня, очень жаль, что такое милое, даровитое существо было такъ безжалостно брошено». Семилѣтній Даламберъ прекрасно помнилъ этотъ первый и послѣдній визитъ своей матери, слова отца и то, что госпожа Тансень тотчасъ же послѣ нихъ, собралась уходить, сказавъ: «мнѣ здѣсь не хорошо—душно».

«Детушъ, умирая, поручилъ Даламбера своему семейству; родные отца постоянно поддерживали съ нимъ сношенія; онъ часто ходилъ обѣдать къ своимъ двоюроднымъ сестрамъ и братьямъ».

«Наша дружба съ Даламберомъ давала мнѣ право спросить его однажды, вѣрно-ли говорятъ, что въ то время, когда онъ прославился, мать его поручила одному изъ своихъ друзей сообщить сыну о своемъ желаніи его видѣть. Онъ отвѣчалъ:—Нѣтъ, никогда ничего подобнаго не было.—Однако—замѣтила я—многіе утверждаютъ, будто бы вы на это гордо отвѣтили, что мать, не заботившуюся объ васъ до пріобрѣтенія вами извѣстности, вы не считаете и матерью. И всѣ одобряютъ такой отвѣтъ, какъ вполнѣ справедливое возмездіе.—Нѣтъ — сказалъ онъ — никогда бы я не отказался обнять своей матери, если бы она когда нибудь захотѣла меня признать; я былъ бы не въ силахъ лишить себя этого счастья».

«Госпожа Тансень отказала все свое состояніе Астуку, своему врачу. Многіе утверждали, что онъ былъ только ея душеприкащикомъ, и состояніе должно было достаться Даламберу, но послѣдній не заявлялъ на него своихъ правъ; онъ говорилъ, что госпожа Тансень, какъ видно, очень любила своего домашняго врача, его же никогда не хотѣла знать при жизни, а потому по всей вѣроятности не думала о немъ и на своемъ смертномъ одрѣ».

Въ этомъ разсказѣ для насъ весьма важно то, что Даламберъ самъ положительно отвергалъ неизвѣстно кѣмъ сочиненную басню о своемъ гордомъ отвѣтѣ матери, бросившей его безпомощнымъ ребенкомъ. Такой холодный, жестокій отвѣтъ выражаетъ озлобленіе и какую-то кичливость своими природными способностями и внѣшними успѣхами. Удивительно, что этотъ вымыселъ нашелъ себѣ мѣсто во многихъ біографіяхъ Даламбера, написанныхъ людьми, знавшими его лично. Жестокость и кичливость были не свойственны Даламберу; въ семействѣ бѣдной стекольщицы не у кого было ему выучиться скрывать свои чувства изъ ложной гордости; онъ выросъ, не имѣя понятія и не предчувствуя словъ Талейрана: языкъ данъ человѣку для того, чтобы скрывать свои чувства.

Есть основаніе предполагать, что характеръ Даламбера представлялъ основное сходство съ нравственными свойствами его отца, который къ сожалѣнію умеръ, когда Даламберу шелъ десятый годъ. Отецъ съ любовью встрѣтилъ блестящія проявленія необыкновенныхъ способностей ребенка и внимательно слѣдилъ за первоначальнымъ его воспитаніемъ. Онъ помѣстилъ четырехлѣтняго мальчика въ хорошій пансіонъ, и съ этихъ лѣтъ Даламберъ началъ серьезно учиться. Послѣ смерти отца, Даламберъ наслѣдовалъ пожизненную ренту въ 300 руб. въ годъ; семейство же отца приняло на себя всѣ заботы о его воспитаніи. Вскорѣ послѣ того содержатель пансіона объявилъ роднымъ, что мальчику онъ передалъ всѣ свои небольшія познанія, и оставаться у него далѣе безполезно для Даламбера; онъ легко можетъ поступить во второй классъ училища (college). Память объ этомъ первомъ учителѣ всегда была дорога Даламберу; оставивъ пансіонъ, онъ сохранилъ сношенія съ учителемъ и помогалъ его дѣтямъ въ занятіяхъ, когда бѣдность не позволяла ему оказывать имъ другой помощи. Живя въ пансіонѣ, а потомъ въ училищѣ, Даламберъ постоянно посѣщалъ свою кормилицу, госпожу Руссо, любившую его больше своихъ собственныхъ дѣтей.

Въ этихъ постоянныхъ сношеніяхъ съ честнымъ и добрымъ семействомъ стекольщика Даламберъ привыкалъ къ суровой, простой жизни, научался уважать трудъ, понимать нужду и горе простыхъ людей. Подъ этой бѣдною кровлей запали лучшія сѣмена въ его нѣжную душу, рано испытавшую чувство грусти.

Мать Даламбера, госпожа Тансень, какъ мы сказали, не изъявляла желанія его видѣть, и это должно было сильно огорчать его въ дѣтствѣ, потому что онъ не могъ къ этому отнестись равнодушно и впослѣдствіи. Можетъ быть, онъ также безсознательно грустилъ подъ вліяніемъ меланхолическихъ ласкъ одинокаго отца, опечаленнаго небрежнымъ отношеніемъ любимой имъ женщины къ нимъ обоимъ.

Тринадцати лѣтъ Даламберъ поступилъ въ училище имени Мазарини (college Mazarin); тамъ онъ пробылъ три года, и успѣхи его на всю жизнь сохранились въ памяти его учителей. Одинъ изъ профессоровъ, ярый янсенистъ, старался отвлечь его отъ занятій литературой и поэзіей, къ которымъ онъ обнаруживалъ уже въ то время большую склонность; однако янсенистъ напрасно внушалъ Даламберу, что поэзія *сушитъ сердце*. У профессора философіи, тоже янсениста, Даламберъ цѣлыхъ два года слушалъ философію Декарта. Лучшимъ-же учителемъ его былъ профессоръ математики Каронъ; онъ отличался большою ясностью и точностью изложенія и успѣлъ внушить Даламберу интересъ къ математикѣ.

Въ коллежѣ Мазарини Даламберъ прекрасно выучился всему, чему тогда учили; отлично зналъ полатыни, а погречески настолько, что впослѣдствіи могъ читать въ подлинникѣ Архимеда и Птоломея. Въ то время обращали большое вниманіе на развитіе краснорѣчія, и Даламберъ вышелъ изъ школы замѣчательнымъ ораторомъ; это ему очень пригодилось въ жизни. Краснорѣчіе Даламбера доставило много пріятныхъ часовъ его современникамъ и послужило неисчерпаемымъ источникомъ удовольствія ему самому. Самъ-же Даламберъ, съ свойственнымъ ему остроуміемъ, говорилъ, что цѣлыя восемь лѣтъ онъ училъ въ школѣ одни только *слова* и умѣлъ говорить *только фразы*, потомъ наконецъ его начали учить правильно понимать вещи помощью схоластической логики. Разумѣется, это не приводило къ серьезнымъ результатамъ, а только къ разговорамъ. Физика, преподаваемая въ то время, отличалась большою сбивчивостью; она вся состояла изъ неясныхъ опредѣленій и очень мало удовлетворяла строгій умъ Даламбера. Впослѣдствіи Даламберъ постоянно смѣялся надъ этою физикой и любилъ сочинять на нее остроумныя пародіи. Въ то время не было введено преподаваніе географіи и исторіи, и лучшіе ученики, оканчивая курсъ, иногда не знали,

что въ Испаніи главный городъ Мадритъ. Молодые люди сами учились той и другой помощью чтенія. Сверхъ того, въ коллежѣ было принято читать имъ что-нибудь поучительное во время завтрака и обѣда. Тогда молодые люди выносили изъ школы мало фактическихъ знаній, но стремились учиться; а это стремленіе самый цѣнный результатъ первоначальнаго образованія. Въ восемнадцатомъ столѣтіи юноши, оставляя школьную скамью, не говорили, какъ теперь: «слава Богу, наконецъ-то я отдѣлался отъ этого ученья!» Въ то время и школа преслѣдовала другія цѣли; она не готовила ни къ какой опредѣленной профессіи, еще менѣе заботилась она о какихъ-бы то ни было экзаменахъ, а просто давала только учащемуся извѣстный запасъ знаній, которымъ онъ самъ могъ распорядиться по своему усмотрѣнію. Среднее образованіе въ то время ставило своей цѣлью учить разсуждать, говорить, сознательно читать и излагать болѣе или менѣе удачно свои мысли письменно. Бертранъ замѣчаетъ, что дать фактическое знаніе не такъ важно, какъ развить умѣнье разсуждать, говорить и писать; знаніе можно пріобрѣсть во всякую пору жизни; человѣкъ-же, не научившійся до двадцати лѣтъ говорить и писать, никогда не будетъ ни ораторомъ, ни писателемъ.

Даламберъ, по выходѣ изъ школы, выдержалъ экзаменъ на степень бакалавра искусствъ; затѣмъ два года посѣщалъ академію юридическихъ наукъ и вышелъ оттуда со званіемъ лиценціата правъ. Блестящій умъ и краснорѣчіе обѣщали ему славную будущность на поприщѣ адвоката, но эта профессія на первыхъ-же шагахъ пришлась Даламберу не по сердцу; такихъ случаевъ, гдѣ-бы обвиняемый былъ дѣйствительно ни въ чемъ неповиненъ, представлялось немного, а въ другихъ—Даламберъ не могъ защищать съ спокойной совѣстью; онъ бросилъ адвокатуру и принялся изучать медицину. Но изучая право и медицину, Даламберъ занимался математикой для своего удовольствія; онъ былъ прекрасно подготовленъ къ дальнѣйшимъ математическимъ занятіямъ уроками своего бывшаго преподавателя Карона, къ которому чувствовалъ глубокую признательность. Мало по малу Даламберъ совершенно втянулся въ математику. Друзья его и родные отца, замѣчая эту развивающуюся склонность, предостерегали его, говоря, что съ математикой далеко не уйдешь; они убѣдили Даламбера разстаться съ математическими кни-

гами. Онъ отнесъ ихъ къ Дидро и предался медицинѣ, но мысль его была прикована къ математикѣ. Задачи носились въ его головѣ и не давали покоя. Даламберъ былъ пылокъ и нетерпѣливъ отъ природы; онъ не умѣлъ побѣждать своихъ желаній. Когда ему необходимо было провѣрить рѣшеніе какого нибудь вопроса, онъ шелъ за своей книгой; такимъ образомъ, онъ перетащилъ мало по малу всю прежнюю математическую библіотеку въ свою маленькую комнату. Пришлось покориться несчастной страсти; онъ отдался ей съ восторгомъ и упоеніемъ. Медицина была заброшена. Даламберу едва исполнилось двадцать лѣтъ, когда онъ рѣшилъ сдѣлаться математикомъ, а въ двадцать шесть лѣтъ онъ былъ уже свѣтиломъ этой науки.

Мы говорили, что всѣ профессора коллежа Мазарини были священники, преданные дѣлу воспитанія и очень любимые учениками, но ярые янсенисты. Они дѣйствительно принимали самое нѣжное и горячее участіе въ своихъ питомцахъ и старались не выпускать ихъ изъ виду, руководить ими въ жизни. Жанъ Леронъ (Даламберъ), юноша открытый и довѣрчивый, сперва слушался ихъ совѣтовъ, пока не замѣтилъ, что почтенные воспитатели желаютъ изъ него сдѣлать орудіе своихъ убѣжденій, натравляя его противъ іезуитовъ. Сначала, по выходѣ изъ школы, онъ увлекся было религіозной полемикой, но потомъ она ему наскучила, и онъ сталъ считать вредными людьми всѣхъ, кто развивалъ фанатизмъ, нетерпимость и нарушалъ общій миръ и спокойствіе. Но святые отцы, какъ видно, возлагали самыя блестящія надежды на своего талантливаго ученика и видѣли въ немъ сильнаго и мощнаго врага іезуитовъ; отчасти эти надежды сбылись, но конечно не въ той формѣ, какая желательна была янсенистамъ. Янсенисты, какъ видно, пересолили въ своемъ усердіи и, можетъ быть, главнымъ образомъ потому не достигли своей цѣли. Нравственное же ихъ вліяніе на Даламбера было благотворно, потому что, окруженный попеченіемъ и нѣжнымъ участіемъ своихъ учителей и воспитателей, онъ отвыкъ грустить, развился, окрѣпъ, разцвѣлъ душою «и въ жизнь вошелъ съ прекраснымъ упованьемъ». Воспитаніе подъ руководствомъ янсенистовъ не помѣшало ему однако пріобрѣсть совершенно независимый взглядъ на ихъ ученіе; онъ говоритъ въ своемъ сочиненіи «О іезуитахъ» слѣдующее: «Янсенисты въ одно и тоже время вѣрятъ въ предопредѣленіе и про-

повѣдуютъ самую строгую нравственность; они твердятъ человѣку: вамъ предстоитъ въ жизни исполненіе трудныхъ и великихъ обязанностей, но вы сами по себѣ сдѣлать это безсильны: какъ бы вы ни старались, какъ бы ни упражнялись въ добродѣтели, все-таки каждое ваше дѣйствіе будетъ только *новымъ преступленіемъ*, если Богъ не предопредѣлилъ вамъ *заранѣе* и *независимо* отъ всѣхъ вашихъ заслугъ свою милость. Къ счастію, Богъ не таковъ, какимъ стремятся представить его янсенисты. Если-бъ это было такъ, то люди очутились-бы въ ужасномъ положеніи подданныхъ монарха, который имѣлъ-бы жестокость имъ сказать: ваши ноги въ цѣпяхъ и вы не властны ихъ снять; несмотря на то, я предамъ васъ вѣчному мученію, если вы сейчасъ-же не будете ходить долго и прямо, находясь при томъ все время на краю самой глубокой пропасти». Это ученіе представляло логическую несообразность, и въ тоже время ставило людей въ самое безвыходное положеніе. Оно, какъ и слѣдовало ожидать, возмущало строгій умъ Даламбера и затрогивало чувство гуманности. Но все это Даламберъ писалъ впослѣдствіи въ зрѣлыхъ лѣтахъ; очень можетъ быть, что на порогѣ жизни у него не было такого опредѣленнаго взгляда на янсенистовъ, но все-же умъ его, какъ мы сказали, скоро освободился отъ ихъ вліянія.

Вообще воспитаніе Даламбера можно считать весьма удачнымъ, даже счастливымъ; школа, какъ мы видѣли, дала ему весьма многое въ умственномъ и нравственномъ отношеніи.

Въ послѣдніе дни своей жизни, убитый горемъ и больной, Даламберъ часто вспоминалъ первые годы своего вступленія въ жизнь и съ увлеченіемъ говорилъ: «да, математика—это моя самая старая любовь, самая вѣрная мнѣ возлюбленная!» Въ молодости онъ, оставивъ занятія медициной и всецѣло отдавшись математикѣ, поселился опять у своей кормилицы и былъ радъ, что его небольшія средства позволяли ему нѣсколько улучшить матеріальное положеніе этой дорогой ему семьи. Въ скромномъ жилищѣ женщины, замѣнившей ему мать, онъ нашелъ спокойствіе духа, необходимое для своего серьезнаго труда. Наука впрочемъ давала ему много и наслажденія. Каждый день, просыпаясь въ своей маленькой душной комнатѣ, онъ весело вскакивалъ съ постели, поспѣшно одѣвался и умывался. Каждый новый день сулилъ ему новыя радости; онъ съ востор-

гомъ думалъ о продолженіи интереснаго научнаго изслѣдованія, начатаго вчера. Цѣлый день онъ будетъ работать, и вечеромъ съ какою радостью отправится въ театръ, отдохнетъ головой, открывъ свое чистое, нѣжное сердце впечатлѣніямъ всего прекраснаго, благороднаго; въ антрактахъ-же будетъ составлять планъ работъ на слѣдующій день. Другихъ удовольствій у него тогда не было, и онъ не имѣлъ о нихъ ни малѣйшаго понятія. Отсутствіе всякаго тщеславія и привычка удовлетворяться въ матеріальномъ отношеніи весьма немногимъ дали ему спокойствіе и свободу, которыми располагаютъ въ молодости только вполнѣ обезпеченные люди. Онъ могъ не продавать своего времени и не продавалъ его ни за какія деньги. Другъ его Дидро въ этомъ отношеніи находился въ худшемъ положеніи—онъ принужденъ былъ въ молодости зарабатывать себѣ хлѣбъ грошевыми уроками. Однако не слѣдуетъ думать, чтобы и Даламберъ не нуждался; средства его были весьма не велики, и онъ часто вмѣстѣ съ своимъ другомъ Дидро гулялъ зимой въ осеннемъ пальто, а лѣтомъ носилъ зимній сюртукъ. Обоимъ было впрочемъ мало до этого дѣла; Дидро и тогда уже носился съ идеей изданія энциклопедіи и посвящалъ Даламбера въ свои смѣлые и широкіе планы.

Жизнь ученаго не отличается такимъ внѣшнимъ разнообразіемъ, какъ жизнь общественнаго дѣятеля или, вѣрнѣе, она кажется однообразною людямъ, незнакомымъ съ тѣми радостями и печалями, которыя даетъ наука. Въ сущности, жизнь ученаго имѣетъ большое сходство съ жизнью полководца: приходится одолѣвать всякаго рода препятствія—это тѣ же враги, и для борьбы съ ними требуется также страшное напряженіе силъ. Но все-же слѣдить шагъ за шагомъ за дѣятельностью ученаго, даже такого многосторонняго, какимъ былъ Даламберъ, утомительно для весьма многихъ; поэтому мы оставимъ Даламбера на порогѣ жизни, погруженнаго въ вопросы астрономіи и механики, рѣшеніе которыхъ дало ему безсмертную славу. Мы остановимся только на главныхъ моментахъ его жизни и постараемся разсмотрѣть этого замѣчательнаго человѣка со всѣхъ сторонъ. Мы раскроемъ передъ читателемъ его частную и личную жизнь, которая представляетъ много своеобразнаго и выдаетъ его чрезвычайно воспріимчивую душу, и затѣмъ уже перейдемъ къ выясненію его участія въ созданіи энциклопедіи XVIII вѣка, имѣвшей глубокое вліяніе на

нашу цивилизацію. Введеніе въ энциклопедію, написанное Даламберомъ, было большимъ событіемъ, какъ мы увидимъ, для самого Даламбера, оно привлекло къ нему вниманіе публики, нарушило уединеніе математика и вывело его на философско-литературную арену.

Отъ частной жизни мы перейдемъ къ разсмотрѣнію той дѣятельности Даламбера, которую можно назвать общественной; онъ былъ членомъ двухъ академій—Академіи наукъ и Французской Академіи; въ послѣдней онъ занималъ должность постояннаго секретаря. Краснорѣчіе и многосторонность Даламбера дѣлали его душою обоихъ этихъ учрежденій; ему то и дѣло приходилось говорить похвальныя рѣчи, въ которыхъ онъ высказывалъ свои взгляды на жизнь, на различныя науки, на поэзію, исторію и т. д. Даламберъ никогда не занимался преподаваніемъ, и современники только въ академіи имѣли удовольствіе слышать его живое слово. Въ той-же дѣятельности проявлялось его отношеніе къ современнымъ ему ученымъ и писателямъ. Съ годами онъ конечно пріобрѣлъ большое вліяніе въ обѣихъ академіяхъ и могъ употребить его и употреблялъ на защиту талантовъ и трудолюбія. Въ послѣднемъ случаѣ Даламберъ часто пользовался своею дружбою съ Фридрихомъ Великимъ. Отношенія Даламбера къ своимъ высокимъ покровителямъ—къ королю прусскому и Екатеринѣ II—такъ много говорятъ въ пользу его личности и выставляютъ въ такомъ блистательномъ и яркомъ свѣтѣ его особенности, что мы посвятили имъ особую главу. Выясняя со всѣхъ сторонъ личность Даламбера, мы стремимся указать главный характеръ его научной и философско-литературной дѣятельности; мы увидимъ, что въ математикѣ и астрономіи онъ является глубокимъ философомъ, въ философіи—человѣкомъ науки, въ литературѣ—энциклопедистомъ, въ полномъ смыслѣ этого слова, и вездѣ геніальнымъ, но простымъ человѣкомъ, въ которомъ нѣтъ ничего искусственнаго. Мы предпошлемъ оцѣнкѣ личности Даламбера его портретъ, набросанный имъ самимъ.

II.

Портретъ Даламбера, набросанный имъ самимъ въ 1776 г. Личная и частная жизнь Даламбера.

Во внѣшности Даламбера нѣтъ ничего особенно замѣчательнаго—ни хорошаго, ни дурного; обычное выраженіе его лица ироническое и насмѣшливое.

Говоритъ Даламберъ обыкновенно неровно, то черезъ чуръ весело, то слишкомъ серьезно, смотря по настроенію своей души; часто рѣчь его бываетъ отрывиста, но никогда она не способна утомить и наскучить. Веселость его иногда переходитъ въ ребячество, и это школьничество представляетъ съ солидной репутаціей, пріобрѣтенной имъ въ ученомъ мірѣ, поразительный контрастъ, который чрезвычайно къ нему располагаетъ всѣхъ; онъ нравится, несмотря на то, что нисколько объ этомъ не старается. Онъ рѣдко споритъ, хотя и стоитъ за свои убѣжденія; ему нѣтъ необходимости насильно заставлять другихъ раздѣлять его мысли. Послѣднее впрочемъ объясняется еще тѣмъ, что онъ только въ области точныхъ наукъ признаетъ существованіе абсолютныхъ истинъ, все же остальное кажется ему относительнымъ и условнымъ; онъ думаетъ, что обо всемъ остальномъ можно говорить все, что угодно.

Отличительныя свойства его ума—ясность и точность. Въ области высшей математики онъ проявилъ талантъ и большую легкость въ работѣ, и это очень рано создало ему довольно громкое имя. Ученый трудъ, при его способностяхъ, оставлялъ ему много досуга, и онъ пользовался своимъ свободнымъ временемъ, чтобы съ успѣхомъ заниматься литературой; его слогъ, сжатый, ясный и точный, большею частью легкій, простой, иногда отличается сухостью, но никогда не обнаруживаетъ дурного вкуса;

въ немъ всегда больше силы, чѣмъ теплоты, болѣе истинности, чѣмъ воображенія, и благородство преобладаетъ надъ граціей.

До двадцати пяти лѣтъ Даламберъ жилъ въ полнѣйшемъ уединеніи, исключительно преданный научнымъ занятіямъ; онъ поздно вступилъ въ жизнь и никогда не могъ съ нею вполнѣ освоиться; непониманіе стариной освященныхъ обычаевъ и свѣтскаго языка составляетъ его маленькую гордость. Однако его нельзя назвать невѣжей, потому что онъ неспособенъ быть грубымъ, и если великій ученый не всегда соблюдаетъ приличія, то частью по невниманію, частью же по незнанію ихъ. Комплименты, которыми внезапно осыпаютъ Даламбера, приводятъ его въ замѣшательство; онъ часто не знаетъ, какъ и чѣмъ ему отвѣчать. Самое основное свойство его характера—откровенность и правдивость, иногда рѣзкія, но никогда не отталкивающія.

Нетерпѣніе и гнѣвъ быстро и сильно овладѣваютъ Даламберомъ; онъ не всегда въ состояніи съ ними справиться, но здѣсь все дѣло оканчиваетя словами; въ сущности онъ человѣкъ очень мягкій, уживчивый, болѣе обязательный, чѣмъ это кажется; его легко и забрать въ руки, не давая ему этого только понять, потому что любовь къ независимости доходитъ у него до фанатизма; независимость дороже ему всѣхъ благъ въ жизни; одинъ изъ друзей справедливо называлъ его *рабомъ своей свободы*.

Нѣкоторые считаютъ Даламбера злымъ, потому что онъ смѣется надъ глупцами. Если это зло, то во всякомъ случаѣ единственное, къ какому онъ только способенъ; онъ былъ бы въ отчаяніи, если бы ему пришлось сдѣлать непріятность даже своему врагу. И это не потому, что великій ученый прощаетъ людямъ зло и несправедливость или ихъ забываетъ; онъ не можетъ иначе мстить человѣку, какъ лишивъ его своей дружбы.

Безъ семьи, безъ связей, съ раннихъ лѣтъ предоставленный самому себѣ, Даламберъ съ дѣтства привыкъ къ суровой, тяжелой, но свободной жизни; природа, къ счастью для него, одарила его талантами и не надѣлила страстями; въ наукѣ и въ прирожденной веселости онъ нашелъ утѣшеніе отъ стѣснительныхъ внѣшнихъ условій, создавъ себѣ безъ всякихъ сознательныхъ усилій своеобразное и сносное существованіе. Все это знаменитый математикъ завоевалъ, благодаря только самому себѣ и своей природѣ; поэтому онъ не имѣетъ понятія о низости, объ искусствѣ

пресмыкаться и льстить, чтобы пріобрѣсть себѣ положеніе; онъ глубоко презираетъ громкія, но пустыя имена и титулы и не стѣсняясь говоритъ объ этомъ печатно. Это создало ему много враговъ, стремившихся представить его самымъ высокомѣрнымъ человѣкомъ на свѣтѣ, тогда какъ на самомъ дѣлѣ онъ былъ только независимъ и гордъ.

Никто болѣе его не радуется чужимъ талантамъ и успѣхамъ; онъ не терпитъ лишь одного шарлатанства; послѣднее выводитъ его изъ себя.

Даламберъ очень чувствителенъ къ похваламъ и къ порицаніямъ, но только въ минуту перваго впечатлѣнія; какъ скоро оно миновало, размышленіе мгновенно освобождаетъ душу отъ впечатлѣній.

Онъ держится того правила, что человѣкъ ученый, литераторъ, имѣющій въ виду передать свое имя потомству, долженъ писать съ большою осмотрительностью, обращать довольно большое вниманіе на свои поступки и говорить *все*, что думаетъ. Согласно этому правилу, самъ Даламберъ говоритъ много глупостей, но никогда ихъ не дѣлаетъ, а тѣмъ болѣе не пишетъ.

Трудно отыскать человѣка, который былъ бы безкорыстнѣе Даламбера; но у него такъ мало нуждъ и желаній, что ему это безкорыстіе нельзя и ставить въ заслугу; это скорѣе отсутствіе порока, чѣмъ добродѣтель.

У Даламбера немного людей, дѣйствительно имъ любимыхъ, да и съ тѣми, кого онъ любитъ, онъ довольно сдержанъ: изъ всего это заключаютъ, что онъ не склоненъ къ истинной дружбѣ; однако никто живѣе его не способенъ раздѣлить радость и горе своихъ друзей; и то, и другое лишаетъ его сна и покоя, и нѣтъ такой жертвы, которой онъ не могъ бы принесть своимъ друзьямъ.

Душа его, чувствительная отъ природы, открыта всѣмъ нѣжнымъ чувствамъ и одинаково подвержена радости и грусти; послѣднему чувству онъ отдается даже съ нѣкоторымъ упоеніемъ и подъ вліяніемъ его Даламберъ способенъ и любитъ писать самыя трогательныя вещи.

Послѣ всего этого неудивительно, что онъ въ молодости своей былъ доступенъ самой живой, нѣжной и сладостной изъ всѣхъ страстей. Долгое время однако, вслѣдствіе уединенія, это чув-

ство таилось въ глубинѣ его души, погруженное въ глубокій сонъ; но пробужденіе его было ужасно: любовь дала Даламберу одно только горе, и оно надолго внушило ему равнодушіе ко всему на свѣтѣ: къ людямъ, къ жизни, къ наукѣ.

Даламберъ готовъ повторить слова Тасса: «я потерялъ то время, которое прошло у меня безъ любви». Онъ не замѣчалъ *проявленій* любви къ себѣ и долгое время не подозрѣвалъ, что его любятъ; по простотѣ своей, великій ученый не могъ себѣ представить, какъ можно любить и дѣлать видъ, что не любишь! Его душа нуждалась въ чувствѣ, которое могло бы ее переполнить, а не измучить; ему хотѣлось нѣжныхъ, сладкихъ волненій, а не толчковъ, потрясеній и терзаній.

Этотъ портретъ, набросанный мастерскою рукою, есть въ тоже время грустная повѣсть души. Даламберъ встаетъ передъ нами, какъ живой, со всѣми своими достоинствами и недостатками. Онъ представляетъ собою какъ бы музыкальный инструментъ со всѣми струнами, и притомъ хорошо натянутыми. Ему одинаково свойственно проявленіе чувствъ и самыхъ сильныхъ, и самыхъ нѣжныхъ.

Когда мы говорили о дѣтствѣ Даламбера, его юности и первыхъ шагахъ на поприщѣ жизни, онъ намъ представлялся такимъ, какимъ мы видѣли его здѣсь, на портретѣ. Послѣдующія же событія его жизни еще болѣе убѣдятъ насъ въ правдивости этого изображенія.

Существуетъ ходячее и невѣрное мнѣніе, будто каждый ученый живетъ, исключительно зарывшись въ свои книги, что наука сушитъ умъ и леденитъ сердце. Но близкое знакомство съ жизнью ученыхъ говоритъ напротивъ, что личная жизнь весьма часто играетъ не только видную роль въ жизни ученаго, но также врывается въ его научную дѣятельность, измѣняетъ ея содержаніе, придаетъ ей иной характеръ. Никакія отвлеченныя разсужденія на эту тему не могутъ такъ обнаружить несправедливость упомянутаго ходячаго мнѣнія, какъ отношенія Даламбера къ госпожѣ Леспинасъ!

Даламберъ въ сношеніяхъ своихъ съ женщинами былъ въ высшей степени нѣженъ и деликатенъ, но гордъ; малѣйшая неудача приводила его въ смущеніе. Во всю свою жизнь онъ былъ друженъ съ тремя женщинами: съ госпожей дю-Деф-

фанъ, съ госпожей Жофренъ и съ госпожей Леспинасъ. Двѣ первыя были на двадцать лѣтъ старше своего друга, а послѣдняя на пятнадцать лѣтъ его моложе; такъ какъ послѣдней безспорно принадлежало первое мѣсто въ его сердцѣ, то мы начнемъ съ нея, и на ней главнымъ образомъ остановимся.

Юлія Леспинасъ, какъ мы увидимъ далѣе, не по однимъ только своимъ отношеніямъ къ Даламберу заслуживаетъ вниманіе и возбуждаетъ нашъ интересъ. Ея мать, графиня Дальбанъ, сначала отдала ее на воспитаніе простому торговцу Клавдію Леспинасу, который далъ дѣвочкѣ свое имя и очень о ней заботился. Когда Юліи исполнилось пятнадцать лѣтъ, мать взяла ее къ себѣ, но у графини были другія дѣти, которыя ненавидѣли Юлію и, какъ могли, отравляли ей жизнь. За нѣсколько часовъ до своей смерти, мать посвятила Юлію во всѣ свои тайны, дала ей шкатулку съ ея документами и ключъ отъ конторки, гдѣ хранилось ея наслѣдство. Юлія передала ключъ брату, чтобы онъ самъ отдалъ ей наслѣдство матери. Но братъ, какъ видно, не отличался такимъ благородствомъ; онъ холодно сказалъ ей: здѣсь ничего нѣтъ вашего. На слѣдующее-же утро, завладѣвъ шкатулкой съ ея бумагами, онъ черезъ лакея велѣлъ сказать ей, что она можетъ идти, куда ей угодно. Не жалуясь, не протестуя и ничего не требуя, Юлія поспѣшила оставить домъ и пріютилась снова въ семействѣ Леспинасъ. Вскорѣ она взяла мѣсто гувернантки у родственницы своей матери, невѣстки г-жи дю-Деффанъ; послѣдняя же, пріѣхавъ погостить къ брату, познакомилась съ Юліей; молодая дѣвушка была некрасива, съ мелкими, неопредѣленными чертами лица, но чрезвычайно умна; въ ней было что-то тонкое, изящное, благородное; она держала себя кротко, но съ большимъ достоинствомъ. Дю-Деффанъ совершенно плѣнилась Юліей и предложила ей мѣсто своей компаньонки. Въ салонѣ дю-Деффанъ собирались самые даровитые люди въ Парижѣ; въ числѣ постоянныхъ посѣтителей ея былъ и Даламберъ, тогда уже извѣстный авторъ введенія въ энциклопедію. Въ этомъ домѣ, гдѣ царило поклоненіе уму и талантамъ, остроумная, краснорѣчивая Леспинасъ скоро сдѣлалась царицей салона; Дю-Деффанъ гордилась ею и выставляла ея достоинства при каждомъ удобномъ случаѣ. Успѣхи вскорѣ вскружили голову молодой дѣвушкѣ.

Салонъ дю-Деффанъ незамѣтно превращался въ салонъ Юліи Леспинасъ, и послѣдняя чувствовала себя полной его хозяйкой. Хозяйка дома вставала поздно и никого не принимала до пяти часовъ. Юлія же Леспинасъ, напротивъ, очень рано принимала гостей, пренебрегая обычаями хозяйки дома. Случалось, что когда дю-Деффанъ открывала глаза, всѣ посѣтители успѣли уже перебывать въ ея домѣ и, насладившись бесѣдой Юліи Леспинассъ, разносили по городу ея остроты. Все это мало по малу раздражало дю-Деффанъ и наконецъ вывело ее изъ себя; она пришла въ ярость и какъ-то разъ насмѣшила и разсердила гостей дикимъ проявленіемъ своего гнѣва. Несмотря на все это, нельзя не сказать, что на ея сторонѣ была справедливость. Леспинасъ, почувствовавъ свою силу, отнеслась къ ней безжалостно и высокомѣрно; она ушла изъ ея дома, и салонъ дю-Деффанъ опустѣлъ совершенно. Друзья въ складчину помогли Леспинасъ устроиться самостоятельно. Госпожа Жоффренъ подарила ей ежегодную пожизненную пенсію въ 750 р.; госпожа де Люксенбургъ дала приличную обстановку и т. д.; однимъ словомъ, она вскорѣ устроилась такъ, что могла достойнымъ образомъ принимать всѣхъ своихъ поклонниковъ. Это окончательно взбѣсило дю-Деффанъ; ея салонъ былъ для нея въ жизни рѣшительно всѣмъ; теперь образовались два враждебныхъ салона, причемъ посѣтителямъ пришлось выбирать между ними, и Даламберъ, поссорившись со своимъ старымъ другомъ, перешелъ во враждебный лагерь Леспинасъ. Съ тѣхъ поръ между Даламберомъ и Юліей завязалась самая нѣжная, самая тѣсная дружба, имѣвшая большія послѣдствія для Даламбера. Математику, старую возлюбленную ученаго, положительно вытѣснила новая. Сблизившись съ Леспинасъ, Даламберъ хотя и продолжалъ обогащать науку новыми открытіями, но все же удѣлялъ ей съ трудомъ лишь нѣсколько часовъ въ день; остальное же время отдавалъ болѣе легкимъ занятіямъ и притомъ такимъ, въ которыхъ могла принимать участіе Леспинасъ. Они вмѣстѣ занимались философіей и литературой; трудно было даже опредѣлить, гдѣ кончался трудъ Даламбера и начиналось вмѣшательство Леспинасъ; во всѣхъ рукописяхъ Даламбера, относящихся къ этому времени, мы встрѣчаемъ то почеркъ Даламбера, то руку Леспинасъ. Этотъ совмѣстный мирный трудъ, казалось,

могъ наполнить собою жизнь обоихъ и соединить ихъ на вѣки неразрывными узами. Всѣ друзья говорили о нихъ: «вотъ оно настоящее, завидное счастье!» Госпожею Леспинасъ восхищались всѣ знаменитые друзья Даламбера: ученые, писатели, артисты; это видно изъ ихъ писемъ. Даже Вольтеръ хвалилъ ея письма; къ ней удивительно шла роль хозяйки салона; она обладала истиннымъ талантомъ соединять около себя людей, понимая индивидуальныя особенности каждаго. Выражалась она всегда очень мѣтко, но въ то же время очень изысканно, и съ большою страстью увлекалась умными людьми. Когда она слышала о какомъ нибудь замѣчательно умномъ человѣкѣ, то положительно сгорала желаніемъ его видѣть. Ей одно время сильно хотѣлось познакомиться съ натуралистомъ Бюффономъ. Госпожа Жоффренъ взяла на себя пріятную обязанность ее осчастливить — пригласила Бюффона. Леспинасъ была на седьмомъ небѣ, усѣлась противъ него, впилась въ него глазами и приготовилась слушать, не проронивъ ни слова. Она сама завела разговоръ, похваливъ слегка и тонко манеру писать Бюффона—его умѣнье соединить ясность слога съ возвышенностію.—«Ахъ чортъ побери—сказалъ Бюффонъ—когда приходится обработывать слогъ, случается перемѣнить не одну пару манжетъ», онъ прибѣгнулъ къ вульгарному, уличному сравненію, равносильному нашему *попотѣть*! Этого было достаточно, чтобъ Леспинасъ отвернулась отъ Бюффона, пришла въ негодованіе и цѣлый вечеръ не могла опомниться. Это щепетильное, на видъ сдержанное и уравновѣшенное существо въ глубинѣ души обладало однако сильными и не всегда благородными страстями, которыя послѣ долгаго сдерживанія, били иногда ключомъ, вырываясь наружу. Наслаждаясь яснымъ, свѣтлымъ, но тихимъ счастіемъ съ Даламберомъ, она не могла устоять противъ жгучей страсти къ испанцу Мора; послѣдній былъ сыномъ испанскаго посланника; этому красивому и впечатлительному молодому человѣку огромное богатство доставляло возможность быть великодушнымъ и окружать себя великолѣпіемъ. Но богатство конечно не играло никакой роли въ глазахъ Леспинасъ; она томилась только неутолимой жаждой сильныхъ и новыхъ ощущеній, и то сердце, которое Даламберъ завоевалъ постепенно и съ большимъ трудомъ, вдругъ безъ борьбы и сопротивленія отдалось молодому испанцу. Она не скрывала своихъ

чувствъ, и пылкій Мора не могъ устоять противъ такой безграничной страсти. Во время одной десятидневной разлуки онъ прислалъ двадцать два письма госпожѣ Леспинасъ, и всѣ эти письма прошли черезъ руки Даламбера, не заронивъ въ душѣ его ни малѣйшаго подозрѣнія. Когда Мора уѣхалъ въ Испанію, Юлія чуть не сошла съ ума; она каждый день писала къ нему и лихорадочно ждала отъ него писемъ; для того, чтобъ получить ихъ тремя часами раньше, она посылала на почту Даламбера, и въ благодарность за все это относилась къ нему почти враждебно. Даламберъ страдалъ вмѣстѣ съ нею и старался ее какъ нибудь развлечь; онъ уговорилъ ее однажды отправиться съ нимъ на одинъ литературный обѣдъ; тамъ они познакомились съ Жиберомъ, который тогда возбуждалъ самыя розовыя надежды: думали, что изъ него выйдетъ второй Боссюэтъ и т. д. Впослѣдствіи и даже вскорѣ онъ обманулъ однако всѣ эти ожиданія. Мы же упоминаемъ здѣсь о немъ только потому, что онъ сразу занялъ въ сердцѣ Леспинасъ мѣсто Мора; на другой же день послѣ перваго знакомства съ нимъ, она писала Кондорсэ: «Я познакомилась съ Жиберомъ; онъ мнѣ очень нравится; его душа отражается во всемъ, что онъ говоритъ; въ немъ видна какая-то гордая сила и возвышенный умъ; онъ рѣшительно ни на кого не похожъ». Изъ писемъ Кондорсэ видно, что онъ отчасти раздѣлялъ очарованіе Леспинасъ Жиберомъ. Съ Даламберомъ она мало и неохотно говорила о Жиберѣ и совсѣмъ о немъ не писала Мора. Эта внезапная страсть къ Жиберу нисколько не уничтожила ея привязанности къ Мора, но только измѣнила ея характеръ; она чувствовала къ послѣднему страстную жалость; онъ дѣйствительно былъ очень боленъ.

Даламберъ, какъ ни желалъ не замѣчать всѣхъ этихъ измѣнъ, однако ихъ видѣлъ, доказательствомъ чего служатъ многіе тонкіе и грустные намеки, уцѣлѣвшіе въ его письмахъ; напримѣръ на одномъ изъ его портретовъ, подаренномъ г-жѣ Леспинасъ, мы читаемъ слѣдующую подпись, въ которой столько нѣжной печали:

Et dites, quelquefois en voyant cet image,
De tous ceux, que j'aimai, qui m'aima, comme lui.

(И скажите, при видѣ этого лица: изъ всѣхъ, кого я любила, кто любилъ меня, какъ онъ).

Да! Онъ самъ неизмѣнно ее любилъ, даже тогда, когда она, отдаваясь новымъ чувствамъ, относилась къ нему не только съ равнодушіемъ, но съ нескрываемой ненавистью. Но онъ смотрѣлъ на все это, какъ на болѣзнь, которая когда нибудь пройдетъ же; онъ долгое время мечталъ, что любовь къ нему въ сердцѣ его возлюбленной только уснула и проснется опять съ новой силой; онъ терпѣливо и грустно ожидалъ этого желаннаго пробужденія, ухаживая за своимъ другомъ, какъ за больнымъ ребенкомъ. Но нравственное состояніе Леспинасъ становилось съ каждымъ днемъ все хуже и хуже: любовь и страданіе совершенно истощили ея силы; она презирала себя за слабость своего сердца и, гордая отъ природы, не могла вынести этого презрѣнія къ себѣ: несчастная женщина отравилась и скончалась на рукахъ Даламбера, произнося имя Жибера, который въ то время только-что женился.

Даламберъ, какъ большая часть людей съ очень нѣжными и тонкими чувствами, на видъ казался холоднымъ и иногда жесткимъ. Эта внѣшняя оболочка скрывала отъ непроницательныхъ глазъ сокровища его души. Онъ отличался большою откровенностью и никогда ничего не скрывалъ намѣренно, но наружный холодъ проявлялся у него безсознательно, какъ у всѣхъ очень впечатлительныхъ людей. Когда же умерла Леспинасъ, весь ученый и литературный міръ узналъ, что Даламберъ, умѣвшій такъ весело и громко смѣяться, умѣлъ также искренно плакать. Безграничная его печаль вызывала общее сочувствіе; она тронула даже дѣйствительно холодное сердце Вольтера, который старался, какъ могъ, утѣшать Даламбера. Но все это не достигало цѣли—не смягчало душевнаго горя Даламбера. Одна только страсть къ математикѣ дѣлала жизнь его сколько нибудь сносной. Общее уваженіе и даже поклоненіе окружающихъ иногда на мигъ его развлекали, но не давали настоящаго утѣшенія.

Жизнь потеряла для него всякую привлекательность; онъ желалъ смерти, какъ избавленія отъ невыносимыхъ душевныхъ страданій. Никто конечно не могъ ихъ такъ глубоко понять и такъ живо описать, какъ онъ самъ выразилъ ихъ на страницахъ, посвященныхъ памяти своего друга. Мы приведемъ изъ нихъ слѣдующій отрывокъ.

«Я обращаюсь къ вамъ, къ той, которая не услышитъ меня

больше, къ той, кого я такъ нѣжно и неизмѣнно любилъ, думалъ, что хоть одно мгновенье и я самъ былъ любимъ вами; я ставилъ васъ выше всѣхъ и всего на свѣтѣ; вы могли бы для меня быть рѣшительно всѣмъ, если бы вы пожелали...

«Я не могу понять, какъ могло то нѣжное чувство ко мнѣ, которымъ я такъ дорожилъ, вдругъ измѣниться до такой степени и перейти въ отчужденіе, въ ненависть».

«Если вы страдали, отчего не раздѣлили со мной своихъ страданій?... Если вы были виноваты передо мной, моя дорогая, отчего было не сказать мнѣ; съ какою бы я нѣжностью простилъ вамъ все, если бы все зналъ».

Для лучшей характеристики личности Леспинасъ можетъ служить ея портретъ, также удачно набросанный рукой Даламбера. Ихъ отношенія, сами по себѣ интересные въ психологическомъ отношеніи, наводятъ на многіе вопросы, весьма важные въ жизни обыкновенныхъ и великихъ людей.

Въ данномъ же случаѣ, для насъ этотъ портретъ имѣетъ еще другое значеніе: онъ знакомитъ людей, не читавшихъ сочиненій Даламбера, съ его манерой писать. Всего поразительнѣе здѣсь противоположность двухъ личностей: Даламберъ былъ всегда самимъ собою, а Леспинасъ постоянно отличалась нѣкоторою двойственностью.

Вотъ портретъ Леспинасъ, написанный Даламберомъ въ 1771 году.

Мы приводимъ его, какъ привели и характеристику Даламбера, въ сокращенномъ видѣ.

«Время и привычка, искажающія все на свѣтѣ, разрушающія наши убѣжденія и иллюзіи, уничтожающія и ослабляющія самую любовь, не коснулись того чувства, которое вотъ уже семнадцать лѣтъ вы заронили въ мою душу; это чувство все укрѣпляется и усиливается знакомствомъ съ вашими привлекательными качествами и достоинствами. Въ эту минуту, описывая васъ, я чувствую ихъ особенно живо.

«Я не буду говорить о вашей наружности; это мало интересуетъ меня, стараго философа; скажу только, что замѣчаю, какъ всѣхъ поражаютъ ваше благородство и ваша грація; въ вашихъ чертахъ такъ много выраженія, столько души, а это лучше всякой мертвой красоты! Я могъ бы назвать многихъ изъ

вашихъ друзей, которые охотно пошли бы дальше дружбы, если бы вы разрѣшили имъ это.

«Вашъ умъ нравится всѣмъ; онъ и долженъ нравиться, потому что съ каждымъ вы умѣете говорить на его собственномъ языкѣ».

Далѣе Даламберъ говоритъ г-жѣ Леспинасъ, что она весьма требовательна относительно манеръ и хорошаго тона.

«Тонкость вкуса у васъ находится въ тѣсномъ соединеніи съ желаніемъ нравиться; вы во всемъ естественны, но ничуть не просты. Искренняя, осторожная и сдержанная, вы обладаете искуствомъ владѣть собой безъ всякихъ видимыхъ усилій и скрывать свои чувства, не подавляя ихъ нисколько. Но природа иногда заявляетъ свои права надъ вами. Въ васъ чрезвычайно много противорѣчій: вы бываете нерѣдко въ одно и тоже время и веселы, и печальны, но большею частью вы насквозь проникнуты горестнымъ чувствомъ отвращенія къ жизни; оно всегда неразлучно съ вами, и если бы въ самую счастливую минуту въ жизни вамъ предложили умереть, вы согласились бы на это съ радостью.

«Вы одарены не только возвышенной, но и весьма чувствительной душой, но чувствительность причиняетъ вамъ больше страданій, чѣмъ удовольствія; вы убѣждены, что безъ игры страстей нѣтъ счастья, но, понимая опасность, вы не рѣшаетесь имъ отдаться. Избытокъ чувствительности дѣлаетъ васъ весьма сострадательной къ несчастнымъ, которыхъ вы даже мало знаете.

«Ваша преданность друзямъ не имѣетъ предѣловъ. Несмотря на то, вы чрезвычайно неровны и сухи, по крайней мѣрѣ, по отношенію ко мнѣ, и эта сухость, какъ хотите, неестественна. Въ тоже время вы любите нравиться всѣмъ и каждому, и дѣйствительно я не знаю никого, кѣмъ бы такъ поголовно всѣ восхищались, какъ вами. Но вы, не довольствуясь тѣми, которыми уже обладаете, стремитесь все къ новымъ завоеваніямъ; въ послѣднемъ случаѣ вы, даже вопреки себѣ, не очень разборчивы. Громкіе имена и титулы на васъ не дѣйствуютъ; несчастье воспитало въ васъ благородную гордость. Вы имѣете основаніе съ недовѣріемъ относиться къ благодѣяніямъ. Можетъ быть, благородная гордость заходитъ у васъ слишкомъ далеко, но въ

этомъ случаѣ избытокъ лучше недостатка. Ваша бодрость выше силъ вашихъ; плохое здоровье и всякаго рода непріятности испытываютъ ваше терпѣнье, но не истощаютъ его нисколько».

Леспинасъ доставила сильно любившему ее Даламберу много лишняго горя. Она сдѣлала его своимъ душеприкащикомъ, поставила его, такъ сказать, въ необходимость разбираться въ ея письмахъ, въ числѣ которыхъ были доказательства того, что и въ тѣ восемь лѣтъ, когда онъ считалъ себя исключительно любимымъ ею, она была ему невѣрна. Если она обманывала его при своей жизни, зачѣмъ было не уничтожить этихъ документовъ, отнимавшихъ у него послѣднее свѣтлое воспоминаніе о прошломъ. Изъ этого можно заключить, что она или просто не думала о своемъ другѣ, или стремилась, такъ сказать, доканать его совершенно. Далѣе мы видимъ, что она завѣщала Жиберу свои сочиненія, которыя писала вмѣстѣ съ Даламберомъ; можно себѣ представить, какъ тяжело было Даламберу разстаться съ этими рукописями, составлявшими часть его самого. Однако онъ отдалъ и эти свои сокровища счастливому сопернику, который совершенно не думалъ о Леспинасъ, потому что при жизни ея женился на другой. Даламберъ впрочемъ весьма гуманно относился къ своимъ соперникамъ, отлично понимая, что не они были причиной его личнаго горя, а его собственныя индивидуальныя свойства, которыя не могли вполнѣ осчастливить его друга. Леспинасъ, какъ извѣстно, никогда не хотѣла выйти замужъ за Даламбера, потому что недостаточно сильно его любила. Вообще, если хорошенько вникнуть въ отношенія Даламбера къ Леспинасъ, то личная жизнь этого ученаго представляется какою-то утонченною, изысканной пыткой. Тисандье не причислилъ Даламбера къ мученикамъ науки, и дѣйствительно наука дала ему только счастье въ жизни, къ которому онъ вообще какъ нельзя болѣе былъ способенъ по природѣ и воспитанію; онъ находилъ великое наслажденіе въ трудѣ, не страдалъ ненасытнымъ честолюбіемъ, вообще требовалъ отъ жизни немногаго, пользовался здоровьемъ, былъ открытаго, веселаго нрава, и вотъ двѣ женщины: Тансень и Леспинасъ испортили ему дѣтство и старость и совершенно лишили его семейной жизни. Между двумя этими женщинами было пожалуй нѣкоторое сходство, если принять во вниманіе не внѣшнія проявленія, а самую

сущность природы. Леспинасъ не называла общества своего салона звѣринцемъ и не дарила гостямъ принадлежностей туалета; списокъ людей, которымъ она отдавала свое сердце, далеко не такъ длиненъ, какъ приведенный въ біографіи госпожи Тансень. Леспинасъ была изящнѣе, утонченнѣе и во всякомъ случаѣ человѣчнѣе, чѣмъ Тансень, но обѣ онѣ отличались непостоянствомъ, страстной любовью къ новизнѣ и разнообразію ощущеній. Въ тоже время между ними было существенное различіе. Тансень никогда не стремилась себя обуздать, а Леспинасъ, напротивъ, употребила весь свой умъ и всю свою волю, чтобъ побѣдить свою природную страстность и умерла, проигравъ сраженіе. Можетъ быть, ея раздражительность относительно Даламбера объясняется безсознательной невозможностью простить ему того, что онъ не могъ своей любовью застраховать ее отъ увлеченій другими. Даламберъ же, какъ всѣ говорили, былъ человѣкъ съ сложнымъ умомъ, но съ простыми чувствами.

Какъ ни мало извѣстенъ намъ характеръ генерала Детуша, отца Даламбера, мы отыскали въ немъ сходство съ характеромъ его сына. И теперь мы находимъ нѣчто общее между упрекомъ, сдѣланнымъ имъ госпожѣ Тансень за то, что она бросила его геніальнаго сына, и тѣми нѣжными-грустными упреками, которыми Даламберъ, точно живыми цвѣтами, осыпалъ своего мертваго друга!

Отношеніе Даламбера къ дю-Деффанъ были весьма несложны; на пламенную ея любовь и дружбу онъ самое большее отвѣчалъ едва замѣтнымъ чувствомъ, даже въ то время, когда его сердце было совсѣмъ свободно; однако онъ бывалъ у нея очень часто, оживлялъ своимъ остроуміемъ и веселостью ея вечера, нетерпѣливо слушалъ ея совѣты и поступалъ большею частію въ разрѣзъ съ ними. Дю-Деффанъ любила его перезрѣлой любовью пожилой женщины и «мамаши», въ кототой почти всегда есть нѣчто сантиментальное, притязательное и повелительное. Такая любовь обыкновенно очень сильна, но стѣсняетъ, и ей довольствуются за неимѣніемъ лучшей. Дю-Деффанъ познакомилась съ Даламберомъ по выходѣ въ свѣтъ его знаменитаго введенія въ энциклопедію. Работы Даламбера по математикѣ и динамикѣ еще въ первой молодости завоевали ему видное мѣсто въ средѣ ученыхъ, но онъ не былъ извѣстенъ публикѣ.

Предисловіе же къ энциклопедіи надѣлало много шума, и въ мірѣ образованныхъ людей явилось настоящимъ событіемъ. Общество многочисленныхъ блестящихъ салоновъ относилось равнодушно къ задачамъ динамики, но остроумное и бойкое изложеніе приводило его въ восторгъ. Математическій умъ Даламбера, съ соединеніи съ унаслѣдованнымъ отъ матери литературнымъ талантомъ, придавалъ его сочиненіямъ какую-то свѣжую, новую прелесть, а свѣтскіе люди такъ любятъ новизну. Онъ вошелъ въ моду, и дю-Деффанъ употребила всѣ усилія привлечь Даламбера въ своей салонъ. Даламберъ, отъ природы веселый и общительный, съ удовольствіемъ заходилъ къ ней по вечерамъ; ему сначала нравилось бывать тамъ, гдѣ его встрѣчали съ такимъ неподдѣльнымъ восторгомъ. Онъ попрежнему отдавалъ много времени серьезнымъ трудамъ, а затѣмъ веселился, какъ рѣзвый школьникъ; онъ нравился рѣшительно всѣмъ: и Вольтеру, и Монтескье, и госпожѣ Сталь. Окрыленный успѣхомъ, Даламберъ расправилъ свои могучія крылья... Дю-Деффанъ не только восторгалась имъ, но и заботилась объ его участи: она обѣщала достать ему мѣсто во Французской Академіи; Даламберъ *соглашался* на это, но къ удивленію своей покровительницы ставилъ *условія*, чтобы ему ни въ комъ не заискивать, не стѣсняясь выражать свои мнѣнія и убѣжденія и т. д. Дю-Деффанъ не одного человѣка пристроила, но никто ей не ставилъ такихъ условій. Она думала, что и безъ того не стѣсняла ничѣмъ Даламбера, а требовала отъ него немногаго— только небольшой похвалы своему другу, президенту академіи Эно, автору хронологической исторіи Франціи. Такая похвала въ энциклопедіи доставила бы большое удовольствіе старому другу и мѣсто въ академіи молодому. Въ отвѣтъ на эту просьбу, Даламберъ отвѣчалъ своей покровительницѣ весьма рѣшительно, что президентъ не заслуживаетъ такой чести, не обладаетъ талантомъ, поэтому не только она, но и самъ Богъ не заставитъ его хвалить ничтожный трудъ. Въ энциклопедіи—говорилъ Даламберъ—есть мѣсто только великимъ людямъ и замѣчательнымъ трудамъ; онъ предлагаетъ дю-Деффанъ подумать о томъ времени, когда ихъ обоихъ не будетъ въ живыхъ,—что скажетъ о немъ безпристрастное потомство. Но, какъ видно, покровительница Даламбера жила только настоящимъ. Даламберъ огорчалъ ее

безпрестанно; ея вечера скоро ему наскучили; онъ сталъ тяготиться ими и приходилъ къ ней обѣдать для тихой бесѣды вдвоемъ. Между тѣмъ дю-Деффанъ очень гордилась имъ и непремѣнно хотѣла, чтобы его видѣли всѣ посѣтители ея салона. И это еще далеко не все; въ то время, какъ дѣло было устроено, и рѣшено было принять Даламбера во Французскую Академію, онъ написалъ статью, въ которой говорилъ объ отношеніяхъ ученыхъ и писателей къ великимъ міра сего такъ, какъ будто самъ совершенно не нуждается въ послѣднихъ. Дю-Деффанъ не могла понять, съ какой стати онъ выбралъ именно такой неудобный моментъ для этой статьи или вообще зачѣмъ ее было писать безъ всякой надобности; въ ея глазахъ, это была одна только непростительная глупость; теперь всѣ труды ея пропали напрасно. Она приходила въ отчаяніе, что дѣло испорчено, а Даламберъ только смѣялся. Онъ былъ три раза забалотированъ во Французской Академіи, какъ и въ Академіи Наукъ...

Дю-Деффанъ, любя Даламбера, преувеличивала его дружбу къ себѣ; говорятъ, что при извѣстіи о смерти Леспинасъ, она сказала: «умри эта женщина пятнадцать лѣтъ тому назадъ, я не утратила бы Даламбера». Въ письмахъ своихъ къ нему она говорила, что они созданы другъ для друга и т. д. Однако эта дружба не играла никакой существенной роли въ жизни философа; онъ какъ будто ея не признавалъ: послѣ смерти Леспинасъ и Жоффренъ, онъ считалъ себя вполнѣ одинокимъ, вспоминалъ о своей кормилицѣ, для которой онъ былъ дороже ея собственныхъ дѣтей, оплакивалъ ея смерть; но совершенно не замѣчалъ дю-Деффанъ.

Отношенія его къ Жоффренъ отличались бо́льшей нѣжностью, можетъ быть потому, что дружба послѣдней была менѣе притязательна; вѣроятнѣе же, онъ не могъ простить въ душѣ госпожѣ дю-Деффанъ оскорбленій, нанесенныхъ ею въ пылу гнѣва Леспинасъ. Личность Жоффренъ представляется намъ въ высшей степени свѣтлою. Она была очень богата и умѣла оказывать благодѣянія, не оскорбляя самолюбія и не позволяя ихъ чувствовать. Давать и прощать было ея потребностью и вмѣстѣ ея девизомъ. Она была добра и въ дѣтствѣ—не могла видѣть ни одного нищаго, чтобы ему чего ни-

будь не дать; если у нея были въ рукахъ деньги, она отдавала ихъ, если же не было денегъ, то бросала нищему въ окно свои книги, вещи, шляпу, носовой платокъ. Съ этой безконечною добротой она соединяла замѣчательный умъ. Съ годами трогательная доброта ея все увеличивалась. Даламберъ неизмѣнно и нѣжно любилъ ее, любовался ея нравственной прелестью и въ тоже время чувствовалъ къ ней безграничную благодарность за ея чистую, безкорыстную дружбу къ себѣ и къ Леспинасъ. Смерть ея была большой утратой для Даламбера.—Въ отношеніи къ дю-Деффанъ онъ былъ значительно сдержаннѣе. Всѣ его письма къ послѣдней отличаются какою-то дѣло витостью; когда дю-Деффанъ открываетъ ему свою душу, говоритъ о своей грусти и т. д., онъ почтительно и осторожно набрасываетъ покрывало на ея откровенность. Въ одномъ изъ своихъ писемъ онъ съ удовольствіемъ сообщаетъ дю-Деффанъ, что прусскій король говоритъ о ней съ большимъ уваженіемъ, съ восторгомъ вспоминаетъ ея остроты. И самъ Даламберъ, посылая ей свои сочиненія, неизмѣнно интересовался знать ея мнѣніе, которое онъ повидимому цѣнилъ. Во всемъ этомъ просвѣчиваютъ тѣ добрыя отношенія, которыя возможны одновременно съ весьма многими. Писемъ дю-Деффанъ сравнительно немного, но всѣ они болѣе или менѣе проникнуты чувствомъ; въ отвѣтъ на сдержанное, чуть тепленькое письмо Даламбера она пишетъ, что оно напомнило ей золотое время ихъ дружбы, вызвало нѣжныя чувства и совершенно ее осчастливило. Ничего подобнаго не встрѣчаемъ мы въ отношеніяхъ Жоффренъ къ Даламберу и къ другимъ ея друзьямъ. Она ихъ не опекаетъ, ничего имъ не навязываетъ, хотя незамѣтно держитъ въ рукахъ и придаетъ своему салону тотъ характеръ, какой желаетъ. Можетъ быть, въ своемъ дѣтствѣ Жоффренъ была увлекающейся дѣвочкой, но впослѣдствіи она, можно сказать, боялась увлеченій какъ огня и вѣроятно сдѣлалась окончательно къ нимъ неспособной, если могла холодно, какъ говорятъ, обрывать Дидро, о которомъ всѣ современники утверждали, что обаятельность его пламеннаго краснорѣчія была неотразима; Дидро говорилъ замѣчательно образно, и образы эти были самые причудливые, самые неожиданные; рѣчь его всегда была насквозь проникнута искреннимъ чувствомъ, которое такъ хорошо передавалось его гармонич-

нымъ задушевнымъ голосомъ и оживленнымъ выраженіемъ прекраснаго лица. И къ нему-то чаще, чѣмъ къ кому нибудь, относилось извѣстное: «Хорошо, хорошо, довольно» госпожи Жоффренъ. Часто, послѣ обѣдовъ у Жоффренъ, ея гости уходили въ Тюльери, садились на траву вокругъ большого дерева и отводили душу въ разговорахъ, свободныхъ какъ вѣтеръ, развѣвавшій ихъ волосы, а на другой день опять охотно являлись къ «матери всѣхъ философовъ» и подчинялись ея порядкамъ.

Изъ всѣхъ женщинъ, державшихъ въ то время салоны, Жоффренъ безспорно была самою нравственною. Она не любила своего мужа, но не искала утѣшенія въ обыкновенномъ женскомъ кокетствѣ и не заводила никакихъ интригъ, такъ сильно распространенныхъ въ то время. У нея были свои правила, которыхъ она неизмѣнно держалась, свои умственные интересы и благородное честолюбіе собирать около себя даровитыхъ людей, быть имъ полезной и чувствовать, что она для нихъ имѣетъ значеніе.

Для того, чтобы внушать уваженіе, говорила Жоффренъ,—необходимо имѣть представительную внѣшность, держаться прямо и одѣваться просто, но изящно. Особа, обладающая этими преимуществами, застрахована отъ многихъ непріятностей; никто не рѣшится говорить о ней дурно, не имѣя очень вѣскихъ на то основаній. Изъ отзывовъ современниковъ видно, что у Жоффренъ дѣло не расходилось со словами. Дидро говорилъ: «я всегда съ удовольствіемъ останавливаю свое вниманіе на манерѣ одѣваться этой женщины; въ ея вкусѣ такъ много простоты и благородства; сегодня, напримѣръ, на ней темное платье съ широкими рукавами, граціознаго покроя, воротничекъ самой ослѣпительной бѣлизны изъ чрезвычайно тонкаго батиста, и все это такъ тщательно сшито, такъ прекрасно на ней сидитъ». Такою же изысканностью Жоффренъ отличалась и въ обращеніи со всѣми и въ томъ числѣ съ посѣтителями своего салона; она, какъ мы видимъ, не позволяла имъ забываться въ своемъ салонѣ. Замѣтивъ, что споръ заходитъ слишкомъ далеко, она останавливала своихъ гостей словами: «хорошо, хорошо, довольно». Всякое рѣзкое слово или крайнее мнѣніе доставляло ей страданіе; особенно трудно ей бывало иногда сдерживать пылкаго Дидро, который, какъ извѣстно, увлекаясь раз-

говоромъ, забывался до того, что толкалъ локтамъ даже такую собесѣдницу, какъ Екатерина II. Однако въ концѣ концовъ ей удавалось придать своему салону такой характеръ, какого она желала. Графъ Сегюръ описываетъ ея салонъ слѣдующимъ образомъ: «Въ этихъ разговорахъ, отличавшихся то глубиною, то легкостью, всегда поучительныхъ и пріятныхъ, поражало соединеніе простоты съ возвышенностью, граціи съ умомъ, критики съ терпимостью. Въ этихъ бесѣдахъ нечувствительно можно было научиться исторіи и политикѣ, и досыта наслушаться веселыхъ остроумныхъ анекдотовъ».

Съ годами Жоффренъ не утратила своей привлекательности; она говорила сама: «мои лѣта и мои вкусы идутъ нога въ ногу, какъ лошади, запряженныя парой».

Въ молодости она была знакома съ госпожей Тансень, матерью Даламбера и заимствовала отъ нея нѣкоторые обычаи: такъ, на новый годъ она посылала гостямъ своимъ подарки—бѣднѣйшимъ принадлежности туалета, которыя были необходимы для посѣщенія ея же салона; многіе получали серебрянныя вещи, нѣкоторые—деньги; Мармонтелю она давала даровую квартиру; онъ говоритъ о ней въ своихъ мемуарахъ между прочимъ слѣдующее: «это былъ своеобразный характеръ, который трудно изобразить, потому что онъ весь состоитъ изъ какихъ-то неопредѣленныхъ оттѣнковъ... Она была добра, но не черезъчуръ чувствительна; дѣлала много добра, но безъ всякаго увлеченія; всегда спѣшила на помощь къ несчастнымъ, но не желала пускать ихъ къ себѣ на глаза; отличалась простотою вкуса во всемъ—и въ одеждѣ, и въ обстановкѣ, но простота эта была самая изысканная; она держала себя въ высшей степени скромно, но въ глубинѣ души была очень горда и хорошо знала себѣ цѣну». Послѣднему не трудно повѣрить, потому что салонъ г-жи Жоффренъ считался какимъ-то учрежденіемъ, имѣвшимъ огромное вліяніе на политику и литературу.

У этой матери многихъ философовъ была одна только дочь, совершенно не раздѣлявшая взглядовъ и убѣжденій своей родительницы. Жоффренъ говорила о своей дочери: «когда я на нее смотрю, то мнѣ кажется, что я высидѣла какого-то утенка—такъ мало въ ней моего». Эта дочь ненавидѣла всѣхъ свободномыслящихъ друзей своей матери, въ томъ числѣ и Даламбера. Въ

послѣдній годъ жизни госпожи Жоффренъ, она воспользовалась слабостью послѣдней и не давала Даламберу возможности ее видѣть. Это было большимъ горемъ для Даламбера.

Существованіе салоновъ, въ которыхъ связующимъ звеномъ являлась женщина, было тогда чѣмъ-то существенно необходимымъ для всѣхъ мыслящихъ людей во Франціи. Въ 1749 году, послѣ смерти г-жи Тансень, чувствовался большой недостатокъ въ салонѣ, и всѣ съ радостью привѣтствовали вновь открытый салонъ Жоффренъ. Одинъ изъ ея постоянныхъ посѣтителей, Галіани, писалъ изъ Италіи: «Я устроилъ здѣсь уголокъ Парижа: Глейхенъ, генералъ Кокъ, секретарь французскаго посольства, и я обѣдаемъ вмѣстѣ и разыгрываемъ Парижъ такъ, какъ играютъ Мольера на ярмаркѣ; но скоро наши пятницы обратятся въ чисто неаполитанскія, если мы не найдемъ женщины, которая сдѣлалась бы душою нашего общества и насъ, такъ сказать, жоффренизировала. Трудно опредѣлить, въ чемъ именно заключалось послѣднее, но ясно, что оно необходимо».

Жоффренъ была, какъ мы сказали, несчастна въ своей семейной жизни, и не любя своего мужа, не имѣвшаго никакихъ умственныхъ интересовъ, искала въ салонѣ того, чего ей не хваталъ въ семейной жизни—умственнаго общенія съ мыслящими людьми. Она постоянно сидѣла дома, принимала всѣхъ запросто въ своемъ удобно устроенномъ домѣ, гдѣ не допускалось однако никакой роскоши. Комнаты у нея были высокія, просторныя, хорошо натопленныя, ярко освѣщенныя. Роскошь пугаетъ небогатыхъ людей, стѣсняетъ ихъ, а удобства влекутъ; хорошій супъ, прекрасно изжаренная курица, хорошо приправленное блюдо зелени—вотъ и весь ужинъ ея гостей. Все это конечно предназначалось для людей неизбалованныхъ, но такихъ, которые цѣнили удобства и не привыкли жить кое-какъ; такими гостями и были даровитые молодые ученые, будущія знаменитости. Даламберъ, можетъ быть, болѣе, чѣмъ какой нибудь другой ученый, нуждался въ умственномъ общеніи съ женщинами: мы видѣли это изъ отношеній его къ Жоффренъ, къ дю-Деффанъ и къ Леспинасъ.

Даламберъ говорилъ о себѣ, что онъ любитъ очень немногихъ, но друзей у него, какъ видно, было довольно много. Впро-

чемъ первое нисколько не противорѣчитъ второму, если хорошенько всмотрѣться въ характеръ Даламбера. Разнообразныя склонности Даламбера внушали эту симпатію ко многимъ, а нравственная требовательность порождала извѣстную долю брезгливости и мѣшала жить съ людьми, которые ему нравились, душа въ душу. Такова, напримѣръ, была дружба его къ Вольтеру. Даламберъ высоко цѣнилъ Вольтера, и многія качества послѣдняго были ему симпатичны, но безнравственность Вольтера приводила его въ ужасъ; онъ цѣпенѣлъ, когда напримѣръ до него доходили слухи о разныхъ продѣлкахъ знаменитаго философа.

Въ одномъ изъ писемъ своихъ къ дю-Деффанъ Даламберъ говоритъ о Вольтерѣ: «все, что вы слышали о Вольтерѣ дурного—сущая правда; онъ окончательно вывелъ изъ себя прусскаго короля своими низкими поступками относительно несчастнаго Монертюи; король сказалъ ему: я не выгоняю васъ вонъ изъ своего государства только лишь потому, что я самъ васъ сюда пригласилъ, и не отнимаю у васъ пенсіи, потому что она была мною назначена, но я запрещаю вамъ показываться ко мнѣ на глаза. Вольтеръ теперь самый несчастный человѣкъ на свѣтѣ». Въ этомъ отрывкѣ, по нашему мнѣнію, хорошо выражается отношеніе Даламбера къ низостямъ Вольтера; онъ какъ будто не находитъ словъ для выраженія негодованія (все будетъ недостаточно сильно) и называетъ его только несчастнымъ.

Даламберъ, безспорно, не принадлежалъ къ числу людей, у которыхъ влеченіе къ наукѣ заглушаетъ всѣ остальныя чувства; онъ находилъ время и охоту оказывать вниманіе всякому человѣческому горю. Разъ какъ-то къ нему пришелъ молодой человѣкъ, несчастно влюбленный. Даламберъ въ то время занималъ маленькую комнату въ семействѣ своей кормилицы; увидя растерянное выраженіе лица молодого человѣка, Даламберъ, усадивъ его, стремительно отворилъ двойную дверь своей комнаты и крикнулъ кормилицѣ: «мадамъ Руссо, если кто придетъ, скажите, что я не могу принять»; затѣмъ подошелъ къ молодому человѣку, обнялъ его и спросилъ съ нѣжнымъ участіемъ: «разскажите, что съ вами?» И все это, по словамъ молодого человѣка, было дѣломъ одного мгновенья. Философъ совѣтывалъ влюбленному какъ можно рѣже оставаться одному, просилъ заходить къ нему, когда тому станетъ слишкомъ грустно, и обѣщалъ его развлекать.

Состраданіе и отзывчивость къ чужому горю было въ высшей степени свойственны Даламберу, но это ему не мѣшало весьма часто чувствовать глубокое недовольство людьми; въ одномъ изъ своихъ писемъ къ госпожѣ дю-Деффанъ онъ говоритъ: «Прусскій король помирился съ Вольтеромъ, и Монертюи снова въ немилости. Боже мой, какъ безумны всѣ люди, начиная съ самыхъ мудрыхъ изъ нихъ». Даламберъ считалъ всякую безнравственность умоизступленіемъ—безуміемъ.

Кормилица Даламбера, простая и добродушная госпожа Руссо, хорошо знала душу своего воспитанника; она считала его добрякомъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ большимъ чудакомъ, и часто ему говаривала смѣясь: «нѣтъ, ужь видно вы всю свою жизнь проживете философомъ». Даламберъ попросилъ ее какъ-то разъ объяснить ему, что именно разумѣетъ она подъ словомъ «философъ». И госпожа Руссо чистосердечно ему отвѣтила: «философъ это такой странный человѣкъ, который лишаетъ себя при жизни всего, работаетъ какъ волъ съ утра до вечера, и все для того только, чтобы о немъ говорили послѣ его смерти». Такъ понимала госпожа Руссо стремленія своего геніальнаго воспитанника. Посмотримъ, насколько Даламберъ былъ дѣйствительно такимъ философомъ. Госпожа Руссо конечно не могла понять, что Даламберъ находилъ наслажденіе въ своемъ трудѣ; она видѣла, что трудъ этотъ не давалъ ему никакихъ земныхъ благъ, и ей оставалось только думать, что онъ надѣялся на славу послѣ смерти.

И все это госпожа Руссо говорила Даламберу въ то время, когда онъ пользовался уже огромной славой. Изъ этого видно, до какой степени Даламберъ былъ простъ со всѣми, если даже женщина, замѣнявшая ему мать, не подозрѣвала, какой великій человѣкъ живетъ съ ней подъ одною крышей. Она, по всей вѣроятности, очень часто съ грустью смотрѣла на своего «философа», думая, не напрасно ли онъ такъ трудится, будутъ ли еще говорить о немъ послѣ его смерти? Такое отношеніе кормилицы очень забавляло Даламбера; онъ такъ часто и такъ искренно смѣялся, когда она наивно высказывала ему нѣчто подобное.

Онъ не разставался со своей кормилицею до тѣхъ поръ, пока врачи не настояли на томъ, чтобы онъ перемѣнилъ квартиру. Но и переѣхавъ, онъ часто заходилъ къ ней и принималъ

попрежнему участіе во всѣхъ ея горестяхъ и радостяхъ. Даламберъ глубоко цѣнилъ въ своей кормилицѣ также и то, что онъ самъ былъ для нея дороже всего на свѣтѣ.

Потребность этой исключительной привязанности постоянно жила въ его сердцѣ. Потерявъ госпожу Леспинасъ, онъ не искалъ уже этой привязанности, но былъ неутѣшенъ до самой свой смерти. Онъ не скрывалъ своего горя, говоря: «сама природа послала человѣку для облегченія страданій возможность проявлять ихъ слезами и стонами; зачѣмъ же отказываться отъ этого послѣдняго блага? не будемъ удерживать ни слезъ, ни жалобъ». Душевное горе Даламбера было такъ велико, что онъ спокойно встрѣтилъ смерть и бодро переносилъ физическія страданія; онъ умеръ 29 октября 1783 года, шестидесяти лѣтъ, отъ очень мучительной болѣзни.

Мы видѣли Даламбера въ простыхъ человѣческихъ отношеніяхъ съ простыми смертными; разсмотримъ теперь его отношенія къ людямъ власти.

III.

Даламберъ и Фридрихъ, король прусскій.—Екатерина II.—Сужденіе Даламбера о шведской королевѣ Христинѣ.—Рѣчь въ присутствіи короля Даніи.

Въ жизни великихъ людей заслуживаютъ вниманія ихъ отношенія къ людямъ, занимающимъ высоко общественное положеніе, потому что въ этихъ отношеніяхъ сказываются особенности, имѣющія большое значеніе при оцѣнкѣ ихъ личности. Это замѣчаніе примѣнимо къ Даламберу особенно потому, что онъ былъ замѣченъ двумя великими своими современниками—Фридрихомъ, королемъ прусскимъ, и русскою императрицею Екатериною II.

Фридрихъ Великій извѣстенъ былъ своею склонностью къ философіи, Екатерина II — то-же. Можетъ быть, эта склонность обусловливалась и общими причинами: и Фридрихъ, и Екатерина въ молодости своей были несчастливы, и философія служила имъ утѣшеніемъ. Во время долгаго царствованія Елизаветы Петровны, Екатерина обречена была на полнѣйшее бездѣйствіе и усердно занималась философіей, но потомъ государынѣ не было времени философствовать, хотя она и сохранила на всю жизнь, такъ сказать, платоническую любовь къ философіи и къ философамъ. Что касается короля прусскаго, то онъ всю жизнь нуждался въ философскомъ воззрѣніи на жизнь, отвѣчающемъ его идеалу; онъ нашелъ его въ философіи Вольтера, котораго и называлъ своимъ земнымъ богомъ.

Даламберъ въ одномъ изъ писемъ къ Вольтеру высказываетъ слѣдующимъ образомъ отношеніе свое къ сильнымъ міра сего: «Я предпочитаю свидѣтельствовать имъ мое почтеніе *издали*, отдаю имъ должное и уважаю, насколько могу». Всѣ

частности отношеній Даламбера къ королю прусскому и къ русской императрицѣ представляютъ только подробное развитіе того, что такъ сжато и выразительно онъ высказалъ въ письмѣ своемъ къ Вольтеру.

Знакомство Фридриха съ Даламберомъ произошло при слѣдующихъ условіяхъ: въ 1745 г. Даламберъ представилъ берлинской Академіи наукъ мемуаръ (О причинѣ вѣтровъ), замѣчательный по своему содержанію; эпиграфъ этого мемуара заключалъ въ себѣ какую-то ничтожную, но умно и сердечно выраженную похвалу государю-покровителю наукъ и искусствъ. Мемуаръ вызвалъ восторгъ берлинскихъ академиковъ и заслужилъ премію, а эпиграфъ обратилъ на себя вниманіе короля. Въ 1752 г. Фридрихъ предложилъ Даламберу мѣсто президента Академіи наукъ. Даламберъ былъ человѣкъ бѣдный, но независимый; распредѣлители наградъ и субсидій во Франціи никогда не были къ нему расположены, и въ будущемъ судьба его въ этомъ отношеніи никогда не могла измѣниться къ лучшему. Несмотря на все это, онъ не задумался тотчасъ же отказаться отъ предлагаемаго ему почетнаго и выгоднаго мѣста. Фридрихъ удвоилъ свои просьбы — философъ остался непреклоннымъ. Даламберъ въ письмахъ своихъ къ королю и къ посреднику между ними, маркизу Даржансу, такъ искренно и ясно мотивируетъ свой отказъ, а причины отказа такъ хорошо характеризуютъ его личность, что мы позволимъ себѣ привести нѣсколько выдержекъ изъ этихъ писемъ. Въ одномъ изъ нихъ Даламберъ описываетъ свое положеніе на родинѣ; оно, по его словамъ, таково, что другой не задумался бы промѣнять его и на менѣе выгодное и блестящее мѣсто, чѣмъ положеніе президента Академіи. «Состояніе мое — пишетъ онъ — самое ничтожное: 425 рублей составляютъ весь мой годовой доходъ. Я совершенно свободенъ и, не имѣя семьи, могу какъ угодно располагать собою. Я забытъ правительствомъ, на мою долю не выпадаютъ награды, которыя такъ и сыплются на другихъ ученыхъ и писателей. Въ будущемъ я могу только разсчитывать на ничтожную пенсію, но и этотъ разсчетъ можетъ оказаться невѣрнымъ, потому что французскій дворъ расположенъ ко мнѣ далеко не такъ хорошо, какъ прусскій. Несмотря на все это, душевное спокойствіе мое такъ велико, такъ невозмутимо и такъ сла-

достно, что я не въ состояніи подвергнуть его ни малѣйшему риску. Лишенія съ дѣтства пріучили меня довольствоваться малымъ; и то немногое, чѣмъ я располагаю, я готовъ раздѣлить съ добрыми, честными людьми, которые бѣднѣе меня. Въ молодости своей я одно время желалъ виднаго положенія и богатства, но когда я увидѣлъ, чѣмъ надо пожертвовать, чтобы достигнуть того и другого, то навсегда отказался отъ всякихъ къ нимъ стремленій, и это рѣшеніе приноситъ мнѣ съ каждымъ днемъ все болѣе и болѣе спокойствія. Уединенная, бѣдная жизнь совершенно отвѣчаетъ моему характеру, моей страстной любви къ независимости, моему желанію стоять въ сторонѣ отъ людей и большого свѣта. Замкнутый, правильный, скромный образъ жизни, предписываемый мнѣ самымъ моимъ положеніемъ, благотворно дѣйствуетъ на мое здоровье; я пользуюсь имъ неизмѣнно, и оно не оставляетъ ничего лучшаго желать; это истинное благо для философа. Наконецъ, я имѣю счастье соединять около себя друзей, дающихъ мнѣ утѣшеніе и радость въ жизни. Посудите сами, милостивый государь, въ состояніи-ли я пожертвовать всѣмъ этимъ и промѣнять свое малое, но истинное счастье на положеніе шаткое, какъ бы оно ни было заманчиво и блестяще. Я вполнѣ вѣрю въ добрыя намѣренія государя и въ его желаніе сдѣлать все возможное для того, чтобы мое новое положеніе меня удовлетворяло; но къ моему горю условія моего счастья не находятся въ рукахъ короля. Къ тому-же, климатъ Берлина и Подстдама можетъ оказаться мнѣ вреднымъ; если же здоровье мое, отъ природы некрѣпкое, мнѣ измѣнитъ, то я не въ состояніи буду даже, какъ слѣдуетъ, исполнять свои обязанности.

Ко всѣмъ высказаннымъ причинамъ я могу присоединить еще одну. Я ничѣмъ не обязанъ правительству Франціи; могу отъ него ждать для себя въ будущемъ много дурного и ничего хорошаго; но у меня существуютъ обязанности относительно моего отечества, моей родины; послѣдняя всегда была ко мнѣ благосклонна, признавала мои достоинства, награждала мои старанія. Съ моей стороны было бы въ высшей степени неблагодарно оставить такую родину.

Государю самому знакомы всѣ эти чувства, у него также есть дорогіе ему друзья; онъ меня пойметъ и проститъ мнѣ мое упорство».

Далѣе Даламберъ говоритъ о томъ серьезномъ трудѣ, который они предприняли вмѣстѣ съ Дидро,—дѣло идетъ объ изданіи энциклопедіи.

Отказъ Даламбера очень огорчилъ Фридриха Великаго, но уваженіе короля къ философу и ученому только увеличилось; король черезъ своего посланника извѣстилъ Даламбера, что назначаетъ ему пенсію въ 300 рублей..

Людовикъ XV терпѣть не могъ короля прусскаго; насмѣшки Фридриха глубоко его уязвляли... Но однажды онъ вошелъ къ госпожѣ Помпадуръ съ оффиціальной бумагой въ рукахъ и сказалъ ей очень серьезно:

— Однако же, король прусскій дѣйствительно великій человѣкъ; онъ любитъ талантливыхъ людей и, какъ Людовикъ XIV, стремится осыпать благодѣяніями ученыхъ всѣхъ національностей. Вотъ смотрите—прибавилъ онъ—письмо короля къ посланнику, въ которомъ онъ назначаетъ пенсію одному замѣчательному человѣку изъ моихъ подданныхъ.

И въ доказательство Людовикъ XV прочиталъ въ слухъ слѣдующія строки: «Въ Парижѣ живетъ одинъ изъ достойнѣйшихъ въ мірѣ людей, средства котораго значительно ниже его заслугъ и талантовъ. Я желалъ бы служить зрячими глазами слѣпой богинѣ и хоть отчасти исправить ея ошибки. Я ласкаю себя надеждой, что онъ приметъ отъ меня эту пенсію, доставитъ мнѣ удовольствіе быть полезнымъ человѣку, соединяющему возвышенную прелесть характера съ самыми превосходными талантами». На этомъ Людовикъ XV остановился. Госпожа Помпадуръ засмѣялась: «велика награда достойнѣйшему!» и посовѣтывала королю назначить Даламберу вдвое большую пенсію и запретить принимать благодѣянія короля прусскаго. Но Людовикъ XV на этотъ разъ не послѣдовалъ ея совѣту; онъ разрѣшилъ Даламберу принять пенсію отъ короля прусскаго; отъ себя же ничего ему не далъ.

Въ 1762 году Даламберъ, по настоятельной просьбѣ Фридриха, рѣшился наконецъ предпринять путешествіе въ Берлинъ. Онъ выбралъ время, когда король написалъ философу: «Теперь я хочу пожить спокойно и отдаться своимъ музамъ; я совершенно занятъ мыслью, какъ бы исправить несчастныя послѣдствія войны, которыя глубоко меня огорчаютъ». Даламберъ вѣ-

рилъ въ искренность этихъ словъ и относился къ королю просто какъ къ своему умному, великодушному, искреннему другу. Два мѣсяца Даламберъ пробылъ въ Берлинѣ въ обществѣ Фридриха, въ которомъ нашелъ много выстраданнаго, теплаго, сердечнаго, не похожаго на тонкую вѣжливость вельможи или обыкновенныя милости короля. Даламберъ чувствовалъ себя въ Берлинѣ совершенно свободно, говорилъ, что думалъ, не заботясь объ этикетѣ, даже не имѣя о немъ понятія. Онъ писалъ госпожѣ Леспинасъ: «Не надѣйтесь, чтобы я, по возвращеніи своемъ, оставилъ привычку школьничать или научился бы лучше держать себя за обѣдомъ. Король на все это не обращаетъ никакого вниманія».

Фридриху очень не хотѣлось разстаться съ Даламберомъ; настойчиво и горячо просилъ онъ философа сжалиться надъ его бѣдной сироткой, Академіей наукъ. Они вмѣстѣ отправились въ Шарлотенбургъ, осмотрѣли академію, а потомъ вечеромъ король спросилъ Даламбера: что подсказываетъ ему его сердце? Даламберъ просилъ короля увеличить пенсію великому Эйлеру; послѣдній, обремененный большимъ семействомъ, думалъ уже снова переселиться въ Петербургъ. Улучшеніе положенія Эйлера доставило большую радость Даламберу. Онъ удивлялся трудамъ этого глубокаго математика, восторгался имъ и писалъ въ Парижъ: «Великій Эйлеръ угостилъ меня въ Академіи своимъ мемуаромъ о геометріи и обѣщалъ дать мнѣ его прочитать на домъ». Несмотря на все это, между Даламберомъ и Эйлеромъ не было не только дружбы, но и поверхностной симпатіи другъ къ другу.

Изъ переписки Даламбера съ Фридрихомъ видно, что первый неустанно заботился объ участи талантливыхъ людей, пробивавшихъ себѣ дорогу.

Личная симпатія Даламбера къ прусскому королю не могла измѣнить его твердаго рѣшенія не оставлять своихъ друзей и своего отечества. Въ то время, когда Даламберъ подвергся гоненію за свое отношеніе къ іезуитамъ, Фридрихъ напомнилъ ему, что въ Берлинѣ онъ будетъ всегда принятъ съ распростертыми объятіями. Однако для себя лично Даламберъ всего только разъ обратился съ просьбою къ Фридриху, когда ему измѣнило здоровье, и для возстановленія силъ оказалось необходимой

поѣздка въ Италію. Въ то время госпожа Леспинасъ писала къ Кондорсэ: «Обращаюсь къ вашей помощи, милостивый государь! Нашъ общій другъ Даламберъ находится въ самомъ отчаянномъ положеніи; силы ему измѣняютъ; его съ трудомъ можно заставить принимать пищу. Но самое неутѣшительное то, что имъ совершенно овладѣла меланхолія, и очень глубокая душа его переполнена горестью и печалью; онъ ко всему на свѣтѣ сталъ относиться безразлично-апатично. Онъ погибнетъ, если мы силою не вырвемъ его изъ того положенія, въ которомъ онъ находится. Ему необходимо уѣхать за границу».

И друзья, и врачи Даламбера настаивали на его отъѣздѣ, въ которомъ всѣ видѣли единственное спасеніе. Состояніе Даламбера исключало возможность такого расхода; тогда онъ обратился къ Фридриху и написалъ въ Берлинъ: «здоровье мое съ каждымъ днемъ все увядаетъ: врачи гонятъ меня въ Италію, а непмѣніе средствъ удерживаетъ меня во Франціи; мнѣ необходима сумма въ двѣ тысячи ливровъ (500 р.); я беру себѣ смѣлость просить ее у Вашего Величества». Фридрихъ отвѣчалъ ему: «Мой милый Даламберъ! Я очень радъ, что вы доставляете случай королю оказать помощь философу». Къ этому письму было приложено 1500 рублей. Даламберъ уѣхалъ изъ Парижа; онъ и Кондорсэ оба съѣхались въ Фернеѣ, и дальше не поѣхали. Здоровье Даламбера нѣсколько улучшилось, но онъ чувствовалъ себя вполнѣ несчастнымъ вдали отъ той, которая такъ прекрасно обходилась безъ него. Даламберъ вмѣстѣ съ Кондорсэ вернулся въ Парижъ, далеко не истративъ присланныхъ ему королемъ денегъ, онъ хотѣлъ было возвратить королю оставшіяся, но Фридрихъ ему отвѣчалъ: «Пожалуйста, ни слова со мной о финансахъ; мнѣ и безъ того здѣсь о нихъ протрубили уши, и я, какъ Пилатъ, говорю вамъ: то, что разъ написано, то написано». Въ такихъ случаяхъ, но только въ такихъ, Фридрихъ позволялъ себѣ говорить тономъ, недопускающимъ возраженій.

Черезъ шесть лѣтъ послѣ того, Даламберъ былъ въ отчаяніи, похоронивъ госпожу Леспинасъ; эта печаль сдѣлалась извѣстной всей Европѣ. Фридрихъ, утѣшая своего-друга философа, писалъ ему длинныя письма; онъ перепробовалъ всѣ средства, но не достигъ своей цѣли и какъ-то разъ, желая во чтобы то ни стало развлечь Даламбера, заговорилъ съ нимъ въ веселомъ шут-

ливомъ тонѣ. Даламберъ тотчасъ отвѣтилъ королю; онъ обнаружилъ такую безграничную, глубокую печаль и такія неизлѣчимыя раны сердца, что король содрогнулся, видя, какъ неосторожно онъ коснулся его чувствительныхъ ранъ, и тотчасъ написалъ ему, искренно извиняясь въ своей неосторожности: «Мой милый Даламберъ! самъ не знаю, какъ могъ я заговорить въ шутливомъ тонѣ о вашемъ горѣ; сегодня я получилъ письмо ваше и глубоко раскаиваюсь». Таково было отношеніе Фридриха къ Даламберу.

Мы познакомили читателя съ фактической стороной этой дружбы; но понятна она можетъ быть для него лишь тогда, когда онъ взглянетъ по-ближе на замѣчательную личность короля Прусскаго.

Фридрихъ по природѣ своей созданъ былъ, чтобы мыслить и страдать, но обязанности государя поглощали все его время; онъ былъ невольнымъ дилетантомъ въ наукѣ, въ литературѣ, въ музыкѣ. Въ области мысли ему доступнѣе другихъ была философія, потому что имѣла большее отношеніе къ жизни и не требовала такихъ спеціальныхъ знаній, какъ математика. Мы уже говорили, что образъ мыслей Вольтера былъ наиболѣе симпатиченъ Фридриху; Вольтера онъ боготворилъ какъ философа, но болѣлъ душой о его нравственной испорченности. Изъ писемъ Фридриха видно, что онъ глубоко страдалъ отъ двойственности своихъ отношеній къ Вольтеру, который очень часто попиралъ ногами нѣжную дружбу короля и отвѣчалъ насмѣшкою на поклоненіе своему таланту.

Можно себѣ представить, что согласіе ума и сердца въ Даламберѣ больше всего привлекало къ нему симпатіи короля; это видно также изъ приведенныхъ здѣсь его писемъ. Не зная математики, король не могъ оцѣнить великихъ заслугъ Даламбера въ этой области; какъ философа, онъ высоко цѣнилъ его, но ставилъ ниже Вольтера. Даламберъ зналъ это и нисколько не обижался; отсутствіе зависти и тщеславія были, какъ онъ самъ говорилъ, отличительными чертами его характера. Фридрихъ Великій вообще отдавалъ предпочтеніе философамъ передъ математиками. Даламбера онъ ставилъ выше Эйлера, потому что послѣдній никогда не занимался философіей, и первому приходилось, такъ сказать, заступаться не разъ за второго, слишкомъ мало цѣнимаго Фридрихомъ; въ великомъ Эйлерѣ

король видѣлъ только докучливаго, слѣпого старика, обремененнаго огромнымъ семействомъ, который все просилъ о помощи и собирался въ Россію.

Наконецъ Эйлеръ уѣхалъ; Даламберъ предлагалъ Фридриху пригласить на его мѣсто молодого Лягранжа. «Мнѣ все равно — отвѣчалъ ему Фридрихъ — во всякомъ случаѣ я радъ промѣнять слѣпого на зрячаго». Въ этомъ отвѣтѣ сказывается полнѣйшее равнодушіе къ математикѣ и къ математикамъ. Однако Лягранжъ не поѣхалъ въ Берлинъ; точно также поступилъ и Лапласъ. Впрочемъ такое отношеніе Фридриха къ Эйлеру объясняется еще тѣмъ, что государь признавалъ только французскую науку и философію, не смотря на то, что современникомъ и подданнымъ его былъ Эммануилъ Кантъ.

Сношенія Даламбера съ императрицею Екатериной были болѣе оффиціальны, менѣе дружественны, но и они во многомъ представляютъ большой интересъ, особенно для насъ, русскихъ. Императрица желала поручить Даламберу воспитаніе своего единственнаго сына, цесаревича Павла Петровича. Въ 1762 г., передъ поѣздкой въ Берлинъ, Даламберъ получилъ отъ Одара, библіотекаря императрицы Екатерины, письмо, въ которомъ послѣдній сообщалъ ему просьбу императрицы, свидѣтельствующую Даламберу о всеобщемъ уваженіи къ нему въ отдаленномъ отъ Франціи государствѣ; въ письмѣ говорилось о необыкновенныхъ качествахъ ума и сердца Екатерины II. Даламберъ отказался и отъ этой чести, мотивируя свой отказъ приблизительно извѣстными уже намъ причинами. Онъ отвѣчалъ Одару тоже въ трогательномъ и почтительномъ тонѣ, но очень рѣшительно. Великій ученый говорилъ также о своемъ незнаніи людей и жизни, о сложности и трудности обязанностей воспитателя будущаго повелителя такого обширнаго государства, какъ Россія, и т. д. Нисколько не умаляя талантовъ и достоинствъ Даламбера, мы вполнѣ соглашаемся съ справедливостью его мнѣнія, что человѣкъ, живущій такою замкнутою жизнью, неспособенъ къ роли воспитателя наслѣдника престола. Но Екатерина II не хотѣла отказаться отъ мысли склонить Даламбера пріѣхать въ Петербургъ. Безкорыстіе истиннаго философа, искреннія, возвышенныя чувства, прекрасно высказанныя въ его отвѣтѣ, произвели и въ Петербургѣ сильное впечатлѣніе; императрица назначила

ему пенсію, значительно выше получаемой имъ отъ Фридриха Великаго, и написала то знаменитое письмо, которое пользуется столь большою извѣстностью и украшаетъ всѣ хрестоматіи. Императрица, увидѣвъ, что Даламбера не привлекаютъ ни почести, ни деньги, казалось, выбрала болѣе вѣрный путь къ его сердцу. Въ письмѣ своемъ она говоритъ: «Вся ваша философія основана на гуманныхъ началахъ; вы противорѣчите этимъ началамъ, отказываясь воспитать наслѣдника русскаго престола такъ, чтобы онъ могъ осчастливить милліоны подвластныхъ ему людей». Но Даламберъ, напротивъ, былъ убѣжденъ, что онъ не въ состояніи выполнить, какъ слѣдуетъ, столь сложной обязанности; поэтому слова императрицы не произвели на него желаннаго впечатлѣнія. Императрица сразу почувствовала, что ей, можетъ быть, впервые приходится имѣть дѣло съ человѣкомъ, котораго, какъ говорится, ничѣмъ не заманишь; это ее удивляло и непріятно раздражало. Удачи и счастье внушили ей мысль, что каждое ея желаніе должно и можетъ быть исполнено, и она смотрѣла очень легко на устраненіе всѣхъ препятствій. Одна изъ причинъ, мѣшавшихъ Даламберу принять ея предложеніе, было нежеланіе разстаться съ друзьями; все это въ ея глазахъ были сущіе пустяки: пусть заберетъ всѣхъ своихъ друзей и пріѣдетъ въ Россію вмѣстѣ съ ними; всѣмъ имъ она устроитъ удобную и пріятную жизнь. Но Даламберъ почтительно и мягко далъ ей понять, что у людей, живущихъ умственными и нравственными интересами, многое и можетъ-быть главное въ жизни не въ рукахъ сильныхъ міра сего; онъ писалъ: «Я и друзья мои, не имѣемъ силъ оставить навсегда свою родину, сложить съ себя обязанностей относительно своего народа, хотя положеніе наше здѣсь не блестяще, и намъ приходится выносить многое».

Всѣ тѣ нравственныя качества, которыя такъ сблизили Даламбера съ Фридрихомъ, производили, какъ мы сказали, непріятное впечатлѣніе на нашу императрицу. Несмотря на это, внѣшнія ея отношенія къ Даламберу были тѣ-же, что и у Фридриха; она переписывалась съ философомъ и осыпала его милостями, желая, какъ говорилъ Даламберъ, подавить его своимъ великодушіемъ. Во всемъ этомъ легко убѣдиться, если сравнить письма императрицы къ Вольтеру и къ Гримму съ письмами къ Даламберу; послѣднія отличаются нѣкоторой сухостью и скры-

тымъ недовольствомъ. Императрица сама это чувствовала и говорила: Фридрихъ оттого мягче ея отнесся къ отказу философа, что интересы Академіи наукъ не такъ близки сердцу, какъ вопросы воспитанія сына; у Прусскаго короля не было наслѣдника.

Извѣстный французскій математикъ Бертранъ, авторъ новѣйшей біографіи Даламбера, говоритъ: трудно назвать другого человѣка, который бы соединялъ въ себѣ такой многосторонній, тонкій и сложный умъ съ такимъ чистымъ и простымъ сердцемъ; истинное пониманіе разнообразной умственной дѣятельности Даламбера требуетъ много труда и долгаго изученія, но его симпатіи, антипатіи, вообще, всѣ его чувства, взгляды на жизнь, мнѣнія и убѣжденія видны, какъ на ладони. Онъ всегда говорилъ все, что чувствовалъ, и не могъ понять, какъ могутъ другіе лицемѣрить, и все, что ему говорили, принималъ за чистую монету. Письма Екатерины II приводили его въ восторгъ; одно изъ нихъ онъ передалъ въ Академію наукъ на храненіе для назиданія потомства. Императрица писала ему о предпринимаемыхъ реформахъ въ духѣ свободы и вѣротерпимости, о своей любви къ философіи. Даламберъ послалъ императрицѣ свои новыя сочиненія и просилъ прочитать ихъ внимательно, высказать мнѣніе, дать ему совѣты и съ трогательной наивностью ожидалъ того и другого. Не скоро онъ дождался письма отъ Екатерины и наконецъ получилъ самые отборные, блестящіе комплименты и ничего больше. Горько обманутый въ своихъ ожиданіяхъ, онъ откровенно высказалъ императрицѣ, что Фридрихъ Великій благосклоннѣе отнесся къ его сочиненіямъ; онъ нашелъ въ нихъ много недостатковъ и откровенно указалъ ихъ автору; эти указанія были чрезвычайно цѣнны; они вызвали много новыхъ мыслей и, благодаря имъ, возникло даже новое сочиненіе. Императрицѣ эта наивность наконецъ наскучила; она замѣтила Даламберу, что для обстоятельной критики надо время, она-же можетъ только, какъ пчела, собирать медъ и употреблять его въ дѣло. Она *вкушаетъ* всю прелесть философіи, прилагаетъ ее къ своему правленію, и только когда есть досугъ, она пишетъ—недавно вотъ набросала одинъ философскій трактатъ, который обѣщаетъ прислать Даламберу, однако почему-то не посылаетъ. Даламберъ, сильно заинтересованный трактатомъ, наивно и безцеремонно справляется о немъ въ каждомъ письмѣ. Импе-

ратрица поняла, что Даламберъ невыносимъ и неисправимъ, и переписка ихъ мало по малу прекратилась. Когда Даламбера спрашивали о его сношеніяхъ съ русской императрицею, онъ съ грустію говорилъ, что давно уже не переписывается съ нею... Однако, какъ видно, онъ сохранилъ въ душѣ своей свѣтлое воспоминаніе о ея личности, потому что взялъ на себя смѣлость обратиться къ ней съ очень щекотливою просьбою.

Во время польской войны нѣсколько французовъ, отличившихся при осадѣ Кракова, были взяты русскими въ плѣнъ. Во Франціи ходили самые баснословные слухи о ихъ несчастной участи въ Россіи; говорили, что ихъ заковали въ кандалы, сослали въ Сибирь и т. д. Родные и друзья этихъ талантливыхъ молодыхъ людей обратились къ Даламберу съ просьбой заступиться за нихъ передъ русской императрицею; философъ написалъ трогательное письмо, которое императрица въ отвѣтѣ своемъ называетъ «прекраснымъ». Екатерина II милостиво сообщаетъ философу, что его соотечественники не въ кандалахъ, не въ Сибири, а на свободѣ въ Кіевѣ, но на отрѣзъ отказываетъ имъ позволить возвратиться во Францію; она даетъ понять философу, что напрасно онъ позволяетъ себѣ вмѣшиваться въ такія дѣла. Но пылкій и неугомонный Даламберъ написалъ ей вторично съ той же усиленной просьбой. Это окончательно вывело изъ себя императрицу; она написала ему такое письмо, послѣ котораго онъ не осмѣлился ей больше писать. Въ немъ она пишетъ Даламберу: «Я получила второе письмо, написанное вашей рукою; въ немъ повторяете вы буквально все содержаніе перваго письма...» и т. д.

Въ 1782 г. наслѣдникъ русскаго престола, въ бытность свою въ Парижѣ, посѣтивъ Даламбера, выразилъ ему свое уваженіе и глубокое сожалѣніе, что не исполнилось завѣтное желаніе его матери поручить его воспитаніе такому философу, какъ Даламберъ. Прощаясь съ Даламберомъ, Павелъ I сказалъ ему не безъ грусти: «Вы поймете, милостивый государь, какъ глубоко я сожалѣю, что мнѣ не суждено было познакомиться съ вами ранѣе».

Этотъ упрекъ не смутилъ Даламбера: онъ былъ убѣжденъ, что не былъ способенъ, какъ слѣдуетъ, воспитать будущаго царя.

Мы, насколько возможно, выяснили характеръ личныхъ отно-

шеній Даламбера къ двумъ его великимъ современникамъ. Здѣсь вполнѣ умѣстно познакомиться съ его взглядами на королеву Христину и отношенія къ ней Декарта, высказанными въ сочиненіи «Reflexions sur Christine, reine de Suède». (Размышленія о Христинѣ, королевѣ Швеціи). Эти размышленія о философѣ Декартѣ въ значительной мѣрѣ вліяли на его собственное поведеніе относительно короля прусскаго и Екатерины II.

Даламберъ началъ съ того, что постарался отдать справедливость хорошимъ качествамъ Христины; призналъ, что она обладала прекрасными умственными способностями, умѣла понимать и цѣнить людей. Что касается внѣшности Христины, ея стремленій подражать мужчинамъ, такъ остроумно осмѣянныхъ Шеромъ, то Даламберъ не обратилъ на нихъ ни малѣйшаго вниманія. Онъ разъ только упомянулъ о ея манерѣ странно одѣваться, говоря, что это вѣроятно было причиною неуспѣха шведской королевы при французскомъ дворѣ. Но въ этомъ онъ больше винитъ мелочность французскаго двора, чѣмъ поведеніе Христины. «Не мудрено — говоритъ онъ — что Христина не понравилась французамъ, если самъ Петръ Великій не произвелъ впечатлѣнія во Франціи. Когда этотъ государь въ 1717 году посѣтилъ Парижъ, то всѣмъ бросилось въ глаза то, что онъ одѣвается, ѣстъ и пьетъ не такъ, какъ мы, парижане, и никому не приходило въ голову удивляться тому, что великій монархъ на время оставилъ власть и поѣхалъ учиться въ чужіе края, желая лучше выполнить свое великое назначеніе».

Говоря о воспитаніи Христины въ дѣтствѣ, Даламберъ останавливаетъ свое вниманіе на томъ, что въ немъ было существеннаго, и указываетъ на недостатки какъ въ ея образованіи, такъ и въ воспитаніи. Онъ находитъ, что напрасно Христину такъ много учили древнимъ языкамъ; лучше было бы больше знакомить ее съ окружавшей дѣйствительностью. Въ нравственномъ же отношеніи, по мнѣнію Даламбера, на Христинѣ вредно отразились стремленія ея приближенныхъ подрывать въ ней довѣріе къ людямъ.

Отношенія Декарта къ королевѣ Швеціи подверглись также строгой и безпристрастной критикѣ Даламбера. Онъ осуждаетъ переселеніе Декарта въ Стокгольмъ и объясняетъ его тѣмъ, что Декартъ стремился *къ скорѣйшему* распространенію своей фи-

лософіи; послѣднее же онъ считаетъ чѣмъ-то искусственнымъ. Онъ говоритъ: «истины распространяются между людьми постепенно, ими не слѣдуетъ озадачивать людей, навязывая ихъ имъ сразу.» Такое же нетерпѣніе обнаруживаетъ Декартъ въ занятіяхъ съ Христиной, открыто выражая ей свое неудовольствіе за предпочтеніе, отдаваемое древнимъ языкамъ передъ философіей. Онъ ворчалъ: «скоро Швеціей будетъ управлять сама грамматика».

Христина, надо отдать ей справедливость, оставила послѣ себя много красивыхъ фразъ. Эти фразы конечно не могли подкупить Даламбера. Цитируя слова Христины, что лучшее ея воспоминаніе есть то добро, которое она сдѣлала своимъ подданнымъ, Даламберъ замѣчаетъ: «если такъ отрадно ей было дѣлать добро, то зачѣмъ же она отказалась отъ престола». Даламберъ также глубоко возмущался тѣмъ, что Христина, восторгаясь художественными произведеніями и пріобрѣтая ихъ, часто не платила денегъ и тѣмъ ставила художниковъ въ безвыходное положеніе.

Послѣ тщательнаго изученія біографіи Христины и оставленныхъ ею сочиненій Даламберъ произноситъ о ней слѣдующее строго-обдуманное и безпристрастное сужденіе: «Если мы оставимъ безъ вниманія безконечное множество панегириковъ, написанныхъ и стихами, и прозою въ честь королевы Христины, но устремимъ свой взглядъ на то, что уцѣлѣло отъ нея самой, т. е. на произведенія ея ума и таланта, то мы увидимъ, что наслѣдство, оставленное намъ ею, очень незначительно. Сочиненіе ея, извѣстное подъ названіемъ Pensées diverses (Мысли о разныхъ предметахъ), не только не заключаетъ въ себѣ философскихъ обобщеній, но отличается непослѣдовательностью, составлявшей, какъ извѣстно, отличительное свойство ея характера. Что касается другого сочиненія «Похвала Александру Великому», то о немъ можно только сказать, что королева этого великаго монарха весьма хвалила. Но полезнѣе, чѣмъ хвалить Александра, было бы подражать ему въ стремленіи къ *истинной* славѣ и въ настоящей любви къ наукамъ и искусствамъ».

Даламберъ явился такимъ образомъ первымъ строгимъ судьей королевы Христины; до него всѣ только ее превозно-

сили; она всѣхъ подкупала кажущимся достоинствомъ ума, но Даламберъ первый заглянулъ въ самую суть этой личности.

Это сочиненіе о Христинѣ замѣчательно для насъ въ томъ отношеніи, что въ немъ сосредоточены многія достоинства ума и характера Даламбера, безпристрастное, спокойное изслѣдованіе явленій духовной жизни, соединенное съ чувствами гуманности и справедливости, которыя сквозятъ и въ немногихъ замѣчаніяхъ, приведенныхъ нами здѣсь. Это сочиненіе, какъ мы говорили, имѣло важныя послѣдствія для самого Даламбера. Уясняя отношенія Декарта къ королевѣ шведской, онъ опредѣлилъ и свое положеніе относительно августѣйшихъ покровителей: философъ понялъ, что ему не слѣдуетъ оставлять отечества; участь Декарта къ тому же его пугала; Декартъ не вынесъ суроваго климата Швеціи, и Даламберъ въ письмахъ своихъ къ Фридриху и къ Екатеринѣ II постоянно говоритъ: боюсь климата Берлина и Петербурга.

Даламберъ написалъ также остроумный и трогательный діалогъ между Декартомъ и Христиной, при встрѣчѣ ихъ на *Елисейскихъ поляхъ, черезъ сто лѣтъ послѣ смерти перваго*. Декартъ говоритъ королевѣ: «Вамъ хорошо извѣстно, что и на землѣ князья и философы недолго бываютъ неразлучны. Если они стремятся другъ другу, то это влеченіе мимолетное: первымъ необходимо образованіе, вторые нуждаются въ покровительствѣ; тѣ и другіе жаждутъ славы. Но здѣсь, въ этой мирной обители, ни князьямъ, ни философамъ нечего желать и нечего ждать другъ отъ друга; они сидятъ врозь по своимъ угламъ; это въ порядкѣ вещей».

Въ концѣ діалога Декартъ говоритъ: «На дняхъ я здѣсь слышалъ отъ одного философа, что если бы онъ снова явился на землю и у него была бы полная горсть истинъ, то онъ сжалъ бы кулакъ и не выпустилъ бы ни одной изъ нихъ. Мой собратъ, сказалъ я ему, вы и правы, и нѣтъ: истины не слѣдуетъ держать въ зажатой рукѣ, но нельзя и разжимать руки разомъ, а постепенно, палецъ за пальцемъ, тогда не будетъ вреда ни воспринимающимъ истину, ни тѣмъ, кто ее проповѣдуетъ».

Въ 1768 году 3 декабря Даламберъ, въ присутствіи датскаго короля, говорилъ рѣчь въ Академіи наукъ. Встрѣча королю была сдѣлана самая торжественная. Его величество вошелъ, занялъ

свое мѣсто и пригласилъ сѣсть стоявшихъ академиковъ; всѣ они размѣстились соотвѣтственно своему званію около стола; въ залѣ же расположилась свита короля и публика, желавшая взглянуть на своего гостя. Такъ какъ засѣданіе имѣло торжественный, праздничный характеръ, то было также много и дамъ. Когда водворился порядокъ, Даламберъ смѣло вошелъ на каѳедру и началъ такъ: «Милостивые государи! философія, склонная избѣгать блеска и не выставляться на показъ, все же имѣетъ нѣкоторое право на уваженіе людей, потому что работаетъ надъ ихъ просвѣщеніемъ. Но скромность, ей неотъемлемо присущая, не позволяетъ ей о себѣ заявлять. Она сама по себѣ такъ нѣжна и настолько беззащитна, что для своего распространенія нуждается въ сильныхъ покровителяхъ. Во власти королей оказать эту услугу философіи или, скорѣе, людямъ. Довольствуясь взорами мудреца, истина любитъ зарываться вмѣстѣ съ нимъ въ уединеніе; но государь, убѣжденія и примѣръ котораго часто имѣютъ для подданныхъ большее значеніе, чѣмъ сама власть, можетъ вывести на свѣтъ божій скромную истину, дать ей мѣсто возлѣ себя, на тронѣ» и т. д.

Содержаніе рѣчи вполнѣ соотвѣтствовало ея блестящему, поэтическому началу. Даламберъ отдалъ должную дань всѣмъ датскимъ ученымъ, съ особеннымъ чувствомъ остановился на дѣятельности Тихо-де-Браге, съ умиленіемъ говорилъ о научныхъ изслѣдованіяхъ безстрашныхъ датскихъ путешественниковъ, изучившихъ далекія страны. Многое въ этой рѣчи относилось къ королю лично и могло принести ему пользу. Намъ не извѣстно, какое впечатлѣніе произвела эта рѣчь на короля Даніи, но мы знаемъ, что копія съ этой рѣчи попала въ руки герцога Пармскаго; она такъ ему понравилась, что онъ перевелъ ее самъ и, собственноручно переписавъ, послалъ Даламберу, въ рукописяхъ котораго уцѣлѣло письмо герцога: «Истины, высказанныя вами, должны служить правилами для государей; я перевелъ ихъ для того, чтобы онѣ запечатлѣлись въ моей душѣ... Эта рѣчь доставила мнѣ истинное удовольствіе; она проникнута тѣмъ чувствомъ гуманности, которое внушили мнѣ въ дѣтствѣ. Я живо чувствую, какое благо для народа, если правитель обладаетъ просвѣщеннымъ умомъ. Я также сознаю, что

уваженіе людей, призванныхъ просвѣщать народы, способно облегчить тяжелый трудъ управленія государствомъ».

Мы привели это письмо потому, что оно служитъ опроверженіемъ мысли, высказанной Даламберомъ устами мертвеца-Декарта: будто королей и философовъ влечетъ другъ къ другу *одно* обоюдное тщеславіе! Даламберъ конечно не могъ равнодушно отнестись къ преждевременной смерти своего великаго соотечественника, потому и высказалъ въ упомянутомъ діалогѣ много горькаго. Мы, съ своей стороны, приходимъ къ заключенію, что философъ не можетъ и не долженъ находиться безотлучно при блестящемъ и шумномъ дворѣ, но двери его жилища должны быть открыты для правителя, который пожелалъ-бы въ бесѣдахъ съ нимъ отдохнуть отъ суеты мірской, и Даламберъ своимъ личнымъ отношеніемъ къ Фридриху только подтверждаетъ высказанное нами.

IV.

Даламберъ—авторъ энциклопедіи.—Дѣятельность Даламбера во французской Академіи и въ Академіи наукъ.—Отношеніе Даламбера къ Лагранжу и Лапласу.

Участіе Даламбера въ изданіи знаменитой энциклопедіи XVIII вѣка было весьма велико въ количественномъ и въ качественномъ отношеніи. Только одинъ Дидро сдѣлалъ больше его для энциклопедіи. Вольтеръ, бывшій также однимъ изъ дѣятельныхъ сотрудниковъ этого изданія, писалъ Дидро и Даламберу: «Прощайте, Атлетъ и Геркулесъ: вы оба держите на плечахъ своихъ цѣлый міръ. Пока во мнѣ не изсякнетъ послѣдняя капля жизни, я буду всегда къ услугамъ знаменитыхъ авторовъ энциклопедіи».

Даламберъ написалъ введеніе въ энциклопедію наукъ, которое составило эпоху въ умственной жизни сначала Франціи, а потомъ и всего образованнаго міра. Для того, чтобы познакомиться съ произведеннымъ имъ впечатлѣніемъ, мы приведемъ нѣсколько отзывовъ о немъ современниковъ Даламбера. «Потомство,— говоритъ одинъ изъ нихъ — читая это введеніе, проникнется убѣжденіемъ, что истинно геніальному человѣку подвластны всѣ науки; онъ можетъ быть одновременно замѣчательнымъ писателемъ, великимъ математикомъ, глубокимъ философомъ и со всѣми рѣдкими способностями соединять красоту, благородство, силу, изящность слога, которыя придаютъ всѣмъ его разнообразнымъ трудамъ какую-то особенную привлекательность».

Другой замѣчательный человѣкъ своего времени говоритъ: «Введеніе въ энциклопедію принадлежитъ къ числу такихъ цѣнныхъ, выдающихся трудовъ, что въ каждомъ вѣкѣ не найдется

болѣе двухъ или трехъ человѣкъ, которые могли бы его выполнить».

Въ этомъ введеніи мы находимъ исторію и критическій обзоръ всего существовавшаго въ то время запаса человѣческихъ знаній; оно заключаетъ въ себѣ квинтъ-эссенцію математики того времени, философскихъ воззрѣній и литературныхъ взглядовъ, и состоитъ изъ двухъ частей: подробнаго изложенія того порядка, въ которомъ возникали различныя отрасли знанія и исторической картины успѣховъ его со временъ эпохи Возрожденія. Вторая часть, разумѣется, изложена лучше первой, потому что возникновеніе знаній покрыто мракомъ неизвѣстности, оно открываетъ обширное поле болѣе или менѣе остроумнымъ догадкамъ; приходится погружаться въ область метафизики. Даламберъ старается по возможности освѣтить темное происхожденіе знанія, но ему это не всегда удается. Онъ говоритъ, напримѣръ: «Зло, которое причиняютъ намъ пороки другихъ людей, наводитъ насъ на размышленіе и создаетъ въ умѣ нашемъ идею добродѣтели. Эта идея, возвышаясь, доходитъ до сознанія духовнаго мира, убѣждаетъ насъ въ существованіи Бога и вызываетъ понятіе о нашихъ обязанностяхъ къ Нему. Природа человѣка, изученіе которой для насъ такъ существенно необходимо, должна представлять непроницаемую тайну для человѣческаго разума. Итакъ, намъ болѣе всего другого на свѣтѣ потребна религія:—возвышенная вѣра убѣдила бы насъ во многомъ».

Мы приводимъ эти мысли Даламбера также и потому, что энциклопедистовъ голословно принято обвинять въ безвѣріи. Они вообще разсуждали о религіи; Даламберъ же главнымъ образомъ проповѣдывалъ терпимость; послѣднее возбуждало ненависть фанатиковъ; партія же свободномыслящихъ раздувала искры. Такимъ образомъ энциклопедія задѣла всѣхъ: она вызвала и страстный восторгъ, и ярую ненависть. Это повлекло за собою гоненіе на энциклопедистовъ. Пришлось защищаться и вести непрерывную полемику. Поднялась буря; открылась ожесточенная война на перьяхъ; но раны, наносимыя послѣдними, были глубоки и чувствительны. Всѣ хватали черезъ край. Страсти разыгрались на столько, что вмѣшательство правительственной власти сдѣлалось неизбѣжнымъ. Парламентъ

ежедневно приговаривалъ къ сожженію какія нибудь новыя сочиненія; авторы ихъ попадали подъ арестъ, отправлялись въ изгнаніе.

Даламберъ былъ просто пораженъ такими результатами своего мирнаго труда. Все это лишало его бодраго спокойствія, необходимаго для напряженной научной дѣятельности; онъ отказался отъ своего дальнѣйшаго участія въ энциклопедіи, а Дидро, которому принадлежитъ и первая мысль объ изданіи французской энциклопедіи, продолжалъ свой трудъ одинъ съ удвоенной энергіей. Отдавая должное Дидро, мы не можемъ обвинять Даламбера за то, что онъ бросилъ энциклопедію; онъ имѣлъ большую склонность къ математическимъ изслѣдованіямъ, занимаясь астрономіей и механикой. Это однако не помѣшало ему, какъ мы видѣли, съ большимъ увлеченіемъ написать введеніе въ энциклопедію; огромный трудъ не пугалъ его, а только придавалъ энергіи и вдохновлялъ. Въ этомъ введеніи онъ говоритъ о великихъ задачахъ человѣчества, о трудахъ геніальныхъ людей, и слогъ его, возвышенный и благородный, вполнѣ соотвѣтствуетъ содержанію. Мы приведемъ отрывокъ изъ его описанія самой эпохи Возрожденія. «Великія творенія древнихъ, принадлежащія ко всевозможнымъ областямъ человѣческихъ знаній, двѣнадцать вѣковъ были преданы забвенію... Между тѣмъ, въ эти времена геніи встрѣчались не рѣже, чѣмъ въ другія. Природа всегда неизмѣнна; но что могли сдѣлать великіе люди, разсѣянные по землѣ, погруженные въ различныя занятія и лишенные необходимой общей культуры ума. Зародышами почти всѣхъ открытій являются плодотворныя идеи, пріобрѣтаемыя чтеніемъ и общеніемъ съ людьми. Это тотъ же воздухъ, которымъ нечувствительно дышешь и живешь».

Съ неменьшимъ увлеченіемъ Даламберъ говоритъ также объ успѣхахъ поэзіи, и сужденія его отличаются иногда большою оригинальностью. Отъ поэзіи онъ переходитъ къ философіи, безпристрастно отдавая должное итальянцамъ и англичанамъ, съ восторженнымъ удивленіемъ останавливаясь передъ безсмертнымъ Бэкономъ и мудрецомъ Локкомъ. Къ своему соотечественнику Декарту Даламберъ относился съ большею строгостью: онъ болѣе цѣнилъ его заслуги какъ математика, чѣмъ какъ философа. Извѣстный современный математикъ Бертранъ, знакомый

и русской публикѣ, остался недоволенъ страницами, посвященными Даламберомъ Ньютону и Галилею, хотя и называетъ ихъ прекрасными. Онъ говоритъ: «Даламберу слѣдовало бы съ еще болѣе глубокимъ вниманіемъ остановиться передъ своимъ великимъ учителемъ Ньютономъ». Чѣмъ объяснить это? Мы думаемъ тѣмъ, что Даламберъ боялся входить въ большія подробности по тому предмету, который былъ ему знакомъ ближе всего остального.

Сверхъ этого введенія, Даламберу принадлежитъ въ энциклопедіи все, что относится къ математикѣ, и нѣкоторыя мелкія статьи, напримѣръ, описаніе Женевы и ея правленія.

Отъ участія Даламбера въ энциклопедіи мы перейдемъ къ его дѣятельности во Французской академіи и въ Академіи наукъ. Мы уже говорили, что Даламберъ не легко попалъ во Французскую академію. Въ 1754 году открылись четыре вакансіи; ихъ послѣдовательно заняли графъ Клермонъ, Буганвиль, Буасси и наконецъ Даламберъ. Нельзя сказать, чтобы избраніе Даламбера въ члены академіи (въ 1754 году) было вполнѣ единодушное. Въ то время два тома энциклопедіи были запрещены, и авторы этого сочиненія причислены къ партіи оппозиціи; поэтому и Даламберъ получилъ, при своемъ избраніи, порядочное количество черняковъ.

Въ академіи былъ обычай, чтобы новый членъ говорилъ похвальную рѣчь тому сошедшему со сцены, мѣсто котораго онъ заступилъ; предшественникомъ Даламбера былъ малоизвѣстный епископъ; Даламберъ своею блестящею похвальною рѣчью спасъ его отъ забвенія. Вообще краснорѣчіе Даламбера оказалось очень кстати во Французской академіи. Новый членъ почти всегда открывалъ засѣданія, излагая какія нибудь свои мысли, которыя вели къ оживленнымъ преніямъ; большею частью онъ касался вопросовъ нравственности, поэзіи или исторіи. Трудно было бы перечислить всѣ похвальныя рѣчи, произнесенныя Даламберомъ; философъ говорилъ ихъ часто, и онѣ ему не стоили ни малѣйшаго труда; онъ не предназначалъ ихъ для потомства; по нимъ нельзя также судить о достоинствахъ его слога. Онѣ писались въ часы досуга и служили ему развлеченіемъ отъ болѣе серьезныхъ работъ. Читалъ Даламберъ превосходно, всѣ слушали его съ восторгомъ; когда онъ говорилъ, то зала всегда была полна, онъ чувствовалъ свое вліяніе, и это доставляло ему много удовольствія.

Вліяніе въ академіи, основанное на личныхъ достоинствахъ Даламбера, разумѣется, возростало, и у насъ является вопросъ, какъ именно онъ пользовался своимъ вліяніемъ. Вольтеръ, бывшій также членомъ Французской академіи, часто переписывался съ Даламберомъ объ академическихъ дѣлахъ, и многіе утверждали, что Даламберъ являлся въ этомъ случаѣ покорнымъ орудіемъ Вольтера. Другіе говорили, что госпожа Леспинасъ и госпожа Жоффренъ, Дидро, Кондорсэ, Мармонтель—принимали участіе въ рѣшеніяхъ Даламбера относительно баллотировки новыхъ членовъ и другихъ дѣлъ академіи. Всего этого разумѣется, нельзя отрицать, но это не мѣшало Даламберу дѣйствовать большею частью согласно своимъ убѣжденіямъ. Онъ здѣсь, какъ и вездѣ, былъ противъ фанатиковъ и недоступенъ для важныхъ вельможъ и прелатовъ, неотличавшихся никакими достоинствами. Не разъ были случаи, что какой нибудь пріятель Вольтера не нравился Даламберу, и онъ, нисколько не стѣсняясь, дѣйствовалъ противъ него. Бертранъ говоритъ, что какъ постоянный секретарь Французской академіи Даламберъ—любилъ академію и ненавидѣлъ глупцовъ; онъ стремился къ тому, чтобъ каждый, вновь избираемый членъ, составлялъ честь и славу академіи. При этомъ Даламберъ, какъ мы сказали, принималъ въ разсчетъ убѣжденія человѣка столько же, сколько его талантъ.

Первое сообщеніе Даламбера въ Академіи наукъ относится къ 19 іюля 1739 года; оно удостоилось похвалы и благосклонности математика Клеро; автору сообщенія было тогда двадцать лѣтъ.

Черезъ годъ, въ 1740 году, Даламберъ представилъ той же академіи свои изслѣдованія въ области механики жидкостей. Оно отличалось большою оригинальностью и смѣлостью. Клеро похвалилъ знаніе и талантъ Даламбера, но не согласился съ вѣрностью его рѣшенія. Вскорѣ же Даламберъ написалъ еще три мемуара и со смѣлостью, которая дается сознаніемъ своихъ силъ, подалъ прошеніе въ академію, добиваясь прямо званія associé академіи, которому должно было предшествовать adjoint. Adjoints и associés имѣли право присутствовать на засѣданіяхъ и просить слова; ни тѣ, ни другіе не принимали никакого участія въ выборахъ. Всѣми правами академиковъ пользовались только пенсіонеры. Попасть въ академію тогда было довольно легко, но сдѣлаться пенсіонеромъ очень трудно. Даламберъ по-

лучилъ званіе adjoint въ 1742 году, когда ему было двадцать четыре года и тогда же причисленъ къ секціи астрономіи. Черезъ три года, онъ за особыя заслуги получилъ отъ академіи пенсію въ 125 рублей. 8 мая 1756 года графъ Даржансонъ написалъ въ академію: «Я долженъ сообщить вамъ желаніе короля, чтобы академія открыла вакансію на associé, сдѣлавъ Даламбера сверхштатнымъ пенсіонеромъ. Однако, только въ 1765 году, черезъ двадцать три года по вступленіи своемъ въ академію, Даламберъ сдѣланъ былъ титулованнымъ или, по нашему, ординарнымъ академикомъ. Таковы были внѣшніе успѣхи геніальнаго, но независимаго человѣка. Между тѣмъ, еще въ 1743 году онъ напечаталъ свою динамику, которая поставила его тотчасъ на ряду съ самыми лучшими европейскими математиками. Это сочиненіе Даламбера составляетъ эпоху въ исторіи механики. Великій математикъ Лагранжъ, черезъ пятьдесятъ лѣтъ послѣ, написалъ исторію механики, отличающуюся столько же глубиною мысли, сколько изяществомъ изложенія. Онъ говоритъ о книгѣ Даламбера, что она сразу положила конецъ путаницѣ и хаосу, царствовавшему до того въ этой области и дала прямой и общій методъ, если не для рѣшенія, то, по крайней мѣрѣ, для сведенія къ уравненіямъ всѣхъ вопросовъ, относящихся къ динамикѣ. Современный намъ математикъ Бертранъ прибавляетъ, что Даламберъ, въ предисловіи своемъ къ трактату динамики, въ первый разъ проявилъ качества писателя и философа, впослѣдствіи такъ часто отвлекавшія его отъ математики, которую онъ называлъ своей первой возлюбленной.

Напомнимъ читателю, что Даламберъ никогда не былъ профессоромъ и даже никогда не давалъ никакихъ уроковъ и въ этомъ отношеніи, какъ и во многомъ другомъ, рѣзко отличался отъ Дидро. Нужда часто заставляла послѣдняго давать уроки математики, не зная ея; Даламберъ никогда не хотѣлъ продать ни одного своего часа. Ему какъ будто даже никогда не приходило въ голову кого нибудь учить математикѣ; онъ считалъ совершенно излишними усилія сдѣлать ее доступною лѣнивымъ и малоодареннымъ умамъ. Какъ-то одинъ молодой человѣкъ жаловался ему на трудность началъ дифференціальнаго исчисленія и сталъ было излагать ему свои сомнѣнія. Даламберъ отвѣ-

чалъ ему болѣе нетерпѣливо, чѣмъ основательно: «Идите впередъ, и вѣра сама придетъ къ вамъ». Этотъ извѣстный отвѣтъ многихъ сбилъ съ толку, потому что принято думать, будто знаменитый человѣкъ способенъ говорить только великія истины. Но, къ сожалѣнію, въ этомъ отвѣтѣ сказалось только совершенное незнаніе Даламберомъ искусства преподавать, что, по замѣчанію Бертрана, вредно отзывалось на изложеніи научныхъ сочиненій Даламбера. Свои математическія работы Даламберъ писалъ всегда какъ-то спѣша; обиліе и оригинальность мыслей поражаютъ и многимъ затрудняютъ чтеніе ихъ.

Долгое время Даламберъ занималъ мѣсто постояннаго секретаря Французской академіи. Изъ его писемъ къ госпожѣ дю Деффанъ видно однако, что онъ совершенно не добивался этого званія въ Академіи наукъ: при малѣйшемъ стараніи, ему легко бы-бо-бы также сдѣлаться ея секретаремъ. Онъ писалъ Лагранжу: «Теперь я занимаю мѣсто секретаря Французской академіи, освободившееся послѣ смерти моего друга Дюкло. Это не очень выгодное мѣсто; оно вознаграждаетъ только тѣмъ, что даетъ мало дѣла, и это для меня теперь самое главное. Должность секретаря нашей Академіи наукъ другое дѣло; мнѣ хотѣлось бы, чтобы она досталась другу нашему Кондорсэ, который въ состояніи прекрасно выполнить всѣ связанныя съ нею обязанности».

Занимая мѣсто постояннаго секретаря во Французской академіи, Даламберъ не переставалъ заниматься наукой, но все же отдавалъ большую часть своего времени литературѣ, философіи и политикѣ.

Члены Академіи наукъ не нравились Даламберу, и онъ не скрывалъ этого. Изъ переписки Даламбера съ Лагранжемъ видно, что Академія наукъ постоянно занимала его мысль, но самая любовь къ академіи внушала ему горячую ненависть къ недостойнымъ ея членамъ; онъ осыпалъ ихъ насмѣшками, причемъ, конечно, дѣло никогда не шло дальше словъ. Въ доказательство приведемъ исторію его отношеній къ Лаланду. Передъ именемъ Лаланда онъ ставилъ такой эпитетъ, который всѣ издатели замѣняли точками. Лагранжу болѣе, чѣмъ кому нибудь, извѣстно было нелестное мнѣніе Даламбера о Лаландѣ, поэтому онъ очень удивился, узнавъ, что Даламберъ примирился съ Лаландомъ, и выразилъ Даламберу свое изумленіе. Даламберъ отвѣ-

чалъ ему: «Относительно Лаланда я долженъ сказать вамъ, что дѣйствительно съ нимъ помирился, онъ этого, видите ли, очень сильно желалъ; я же, какъ хотите, предобрый чортъ». И это была сущая правда. Даламберъ былъ чрезвычайно вспыльчивъ, золъ на языкъ, но никому не желалъ дурного. Говорилъ онъ всегда коротко, рѣзко и мѣтко, точно стрѣлялъ; ко всему, не исключая своихъ собственныхъ трудовъ, относился не въ мѣру строго. Издавая свои работы по математикѣ, онъ писалъ Лагранжу, что собралъ всѣ свои математическіе лоскутки и отдалъ въ печать для того, чтобы отъ нихъ такимъ образомъ освободиться; такъ женщины выходятъ замужъ за своихъ старыхъ любовниковъ, чтобы отъ нихъ навсегда отвязаться. Вообще письма Даламбера къ Лагранжу отличались большою откровенностью; онъ искренно и глубоко любилъ молодого Лагранжа и, какъ мы не разъ уже имѣли случай замѣтить, заботился объ его участи. Ему очень хотѣлось познакомить своего молодого друга съ Вольтеромъ; возвращаясь изъ Турина въ Парижъ, Лагранжъ проѣзжалъ мимо Делисъ, помѣстья Вольтера, и разъ какъ-то Даламберъ упросилъ его заѣхать къ автору «Генріады»; молодой Лагранжъ, большой поклонникъ сочиненій Вольтера, охотно заѣхалъ, но, кажется, не нашелъ въ Вольтерѣ ничего восхитительнаго и поразительнаго; это видно изъ слѣдующаго письма его къ Даламберу: «Я проѣхалъ черезъ Женеву, какъ и предполагалъ, и, благодаря вашей рекомендаціи, имѣлъ честь обѣдать съ г-номъ Вольтеромъ, который принялъ меня очень любезно. Въ этотъ день онъ былъ расположенъ смѣяться и шутить; это очень занимало всю компанію. Вольтеръ такой оригиналъ, на котораго стоило посмотрѣть». На Вольтера же будущій великій математикъ не произвелъ никакого впечатлѣнія; послѣднему, какъ видно, не приходило и въ голову, чтобы Лагранжъ могъ занять въ исторіи человѣческой мысли мѣсто болѣе высокое, чѣмъ его собственное.

Даламберъ покровительствовалъ также молодому Лапласу; исторія знакомства перваго съ послѣднимъ такъ хорошо характеризуетъ ихъ обоихъ, что нельзя о ней умолчать. Лапласъ родился въ Нормандіи, въ маленькой деревушкѣ, и былъ сыномъ бѣднаго крестьянина, который съ большими лишеніями содержалъ сына въ приходской школѣ. Случайно мальчику попали въ руки книги по математикѣ, и онъ учился по нимъ самъ. Окру-

жающіе, видя его необыкновенныя способности, совѣтовали ему ѣхать въ Парижъ, и какое-то важное лицо дало ему рекомендательное письмо къ Даламберу. Лапласъ очень надѣялся на рекомендацію важнаго лица и думалъ, что Даламберъ встрѣтитъ его съ распростертыми объятіями, однако сильно въ этомъ ошибся. Явившись въ Парижъ, онъ тотчасъ же отправился къ Даламберу, снесъ рекомендательное письмо, но оно нисколько не подѣйствовало на академика; Даламберъ не принялъ Лапласа. Что было дѣлать? Лапласу пришла въ голову счастливая мысль написать самому письмо Даламберу, изложивъ свои собственные взгляды на общіе законы механики. Тогда Даламберъ отвѣтилъ ему на другой же день: «Милостивый Государь! Вы имѣли случай убѣдиться, какъ мало обращаю я вниманія на рекомендаціи; но вамъ они были совершенно не нужны; вы *зарекомендовали* себя сами, и мнѣ этого совершенно достаточно; моя помощь къ вашимъ услугамъ. Приходите же; я жду васъ». И дѣйствительно, черезъ нѣсколько дней послѣ перваго свиданія съ Даламберомъ Лапласъ получилъ мѣсто профессора математики въ «Ecole militaire». Съ тѣхъ поръ Даламберъ никогда не терялъ изъ вида Лапласа и всегда заботился объ его участи. Впослѣдствіи Лапласъ явился преемникомъ и лучшимъ цѣнителемъ заслугъ Даламбера по астрономіи. Заслуги эти очень велики. Одна уже его теорія предваренія равноденствій, сама по себѣ, сдѣлала бы его безсмертнымъ. Сочиненіе Даламбера о системѣ міра имѣетъ самую тѣсную связь съ небесной механикой Лапласа; Даламберъ также занимался теоріей движенія луны, являясь и въ этомъ случаѣ прямымъ продолжателемъ Ньютона; надъ тѣми же вопросами трудились Клеро и Эйлеръ и, не смотря на соединенныя усилія этихъ трехъ гигантовъ, многое осталось еще сдѣлать и ихъ преемникамъ.

Приведемъ здѣсь цѣнное мнѣніе Лапласа о трудахъ Даламбера: «законы, открытые Ньютономъ, превосходили въ тѣ времена существовавшія средства анализа и механики; необходимо было изобрѣсть новое; честь этого изобрѣтенія принадлежитъ Даламберу. Черезъ полтора года послѣ выхода въ свѣтъ сочиненія Брадлея, Даламберъ издалъ свой трудъ о прецессіи, который въ исторіи небесной механики и динамики занялъ такое же

почетное мѣсто, какое принадлежитъ открытіямъ Брадлея въ лѣтописяхъ астрономіи.

Заключимъ этотъ очеркъ дѣятельности Даламбера въ двухъ академіяхъ нѣсколькими словами объ отношеніи Дидро къ Даламберу и къ математикѣ вообще. Мы уже говорили, что Дидро часто приходилось давать уроки математики, не зная ея; онъ вмѣстѣ училъ и учился ей самъ. Вслѣдствіе такихъ спѣшныхъ занятій у него сложилось мнѣніе, что въ математикѣ чрезвычайно много лишняго; онъ говорилъ: «тому, что въ математикѣ дѣйствительно необходимо и полезно знать, можно выучиться въ шесть мѣсяцевъ; все же остальное составляетъ только предметъ любопытства». Находясь въ непрерывныхъ сношеніяхъ съ Дидро, Даламберъ часто не могъ удержаться, чтобы не сообщить ему результаты своихъ работъ, относящихся къ движенію луны; Даламберъ волновался, когда замѣчалъ, что наблюденія, казалось, противорѣчили теоріи. Дидро смѣялся надо всѣми этими волненіями и, ничего не смысля въ теоретической астрономіи, все-таки охотно слушалъ Даламбера, пускался въ разсужденія, которыя были столько же оригинальны и смѣлы, сколько невѣрны; въ нихъ видѣнъ былъ замѣчательный человѣкъ, не знающій предмета. Это убѣждаетъ насъ въ томъ, что никакой умъ не въ состояніи замѣнить намъ знанія.

V.

Философско-литературная дѣятельность Даламбера.—Заслуги Даламбера въ области механики, чистой математики, математической физики и астрономіи.—Общій характеръ этихъ заслугъ.

Дѣятельность Даламбера, какъ видѣлъ читатель, была двоякая: научная и философско-литературная. Мы коснулись и той и другой, когда говорили объ отношеніяхъ Даламбера къ Академіи наукъ и Французской академіи; но мы охарактеризовали ихъ съ внѣшней стороны; намъ остается самое трудное — дать оцѣнку той и другой—опредѣлить по возможности отчетливо значеніе Даламбера, какъ ученаго и какъ писателя, для его современниковъ и для потомства.

Начнемъ съ характеристики его литературной дѣятельности, которой Даламберъ отдалъ бо̀льшую часть своего времени, хотя не достигъ въ ней того высокаго мѣста, которое сразу, еще въ первой молодости, занялъ въ наукѣ. Прежде всего разсмотримъ, какъ относились въ этой его дѣятельности другіе знаменитые писатели того времени. Вольтеръ писалъ Даламберу: «Вы единственный писатель, который никогда не говоритъ ни больше того, ни меньше того, что хочетъ сказать. Я считаю васъ самымъ лучшимъ писателемъ нашего вѣка». Эта вѣская похвала Вольтера заключала свою долю истины, признавая въ манерѣ писать Даламбера особенность математика. Дидро считалъ Даламбера писателемъ тонкимъ, остроумнымъ, смѣлымъ оригинальнымъ, искреннимъ, но упрекалъ его въ томъ, что онъ о поэзіи судитъ математически. Это такое замѣчаніе, съ которымъ, завязавши глаза, согласится всякій не математикъ, должно непремѣнно остановить вниманіе послѣдняго. Математикъ Бертранъ, наталкиваясь на такое мнѣніе о Даламберѣ, спрашиваетъ

себя: «что значитъ судить о чемъ нибудь математически?» и затѣмъ говоритъ: «область истинъ, строго доказанныхъ, не велика. Неужели усвоеніе этихъ истинъ способно приковать человѣка исключительно къ нимъ и держать умъ въ этой ограниченной сферѣ; неужели привычка имѣть дѣло съ прямою линіей дѣлаетъ умъ неспособнымъ слѣдить за полетомъ и изгибами человѣческой фантазіи? Мы не видимъ никакой причины. Отчего живописецъ не можетъ быть музыкантомъ, и наоборотъ? Различіе извѣстныхъ свойствъ ума не можетъ быть причиной ихъ несовмѣстимости. Навыкъ хорошо разсуждать—это сила, громадная сила, рѣдкій даръ, неужели онъ въ чемъ нибудь можетъ оказаться безполезнымъ и, еще болѣе, помѣшать?»

Можно сказать также, что истинный математикъ менѣе, чѣмъ кто нибудь другой, способенъ судить математически о предметахъ, существенно отличныхъ отъ тѣхъ, къ которымъ приложимо строгое доказательство. Даламберъ говоритъ это въ своемъ похвальномъ словѣ Боссюэту: «привычка къ доказательству пріучаетъ насъ не стремиться доказать того, что выходитъ изъ круга истинъ, подлежащихъ доказательству, и отличать свѣтъ отъ сумерокъ и сумерки отъ темноты». И мы думаемъ, что Бертранъ правъ: математическій талантъ, самъ по себѣ, не исключаетъ литературныхъ способностей, какъ и всякихъ другихъ; мы скажемъ болѣе, и Вольтеръ вѣрно замѣтилъ, что математика, отучая отъ распространенной способности говорить лишнее, придаетъ языку писателя особую сжатость и силу. Не смотря на то, нельзя не признать, что дѣятельность ученаго и литератора находятся въ антагонизмѣ, потому что для первой необходима тихая, правильная, однообразная жизнь; для второй же требуется общеніе съ людьми и разнообразіе внѣшнихъ условій.

Примѣръ Даламбера, какъ нельзя болѣе, подтверждаетъ высказанное нами замѣчаніе. Онъ считалъ счастливѣйшимъ то время, когда занимался только математикой: тогда его знали лишь въ ученомъ мірѣ, и онъ неизвѣстенъ былъ публикѣ; все его общество ограничивалось тѣснымъ кружкомъ друзей; но вотъ одинъ изъ нихъ, Дидро, предложилъ ему раздѣлить съ нимъ трудъ по изданію энциклопедіи, и введеніе, написанное талантливо, глубокомысленно и блестяще, привлекло къ Даламберу вниманіе публики; многіе заинтересовались имъ, начали искать

его знакомства и нашли въ немъ веселаго, пріятнаго собесѣдника. Лавры писателя принесли ему также и тернія; слава возбудила зависть, нажила ему враговъ. Писатели возмущались строгими и мѣткими приговорами *сухого* геометра; спокойствіе его было нарушено съ тѣхъ поръ, какъ склонность его къ литературѣ и къ философіи перестала быть тайной его друзей. Вскорѣ онъ напечаталъ свое сочиненіе: Melanges de philosophie, d'histoire et de litterature (Сборникъ статей по философіи, исторіи и литературѣ), которое произвело большое впечатлѣніе и значительно увеличило число его поклонниковъ и враговъ. Сближеніе съ госпожей Леспинасъ, какъ мы уже говорили, въ сильной степени отвлекало его отъ математики, которой онъ однако постоянно удѣлялъ нѣсколько часовъ въ день. Услуги, оказанныя имъ математикѣ, несмотря на то, громадны, но все же невольно жалѣешь, что онъ ею долгое время занимался урывками, ведя образъ жизни слишкомъ открытый и разсѣянный для ученаго и всетаки слишкомъ замкнутый для писателя.

Дѣятельность Даламбера приводитъ насъ къ убѣжденію, что поэтическій духъ и математическій талантъ другъ друга не исключаютъ, но такъ какъ все это требуетъ большой затраты времени и различныхъ внѣшнихъ условій, то одно должно развиваться на счетъ другого. Обыкновенно мы видимъ, что дѣятельность одного рода является главною, первенствующей, а другая наполняетъ часы досуга; разумѣется, послѣдняя отъ этого страдаетъ, такъ какъ лучшія силы уходятъ на первую. Мы видѣли, что у Даламбера въ молодости страсть къ математикѣ преобладала надъ склонностью къ литературѣ. Впослѣдствіи литература сильно отвлекала его отъ математики; онъ отдавалъ послѣдней сравнительно мало времени, но всетаки она по прежнему владѣла его помыслами, и подъ старость онъ охладѣлъ къ литературѣ, а занятія математикой продолжалъ даже во время послѣдней тяжкой болѣзни. Все это независимо отъ великихъ заслугъ Даламбера, какъ ученаго, убѣждаетъ насъ въ томъ, что литературная дѣятельность служила ему какъ бы развлеченіемъ. Это нисколько не умаляетъ ея глубокаго значенія для современниковъ, но этимъ объясняется равнодушіе къ ней потомства. Мы знаемъ, что взыскательный Вольтеръ называлъ Даламбера первымъ писателемъ своего вѣка, а

потомство не признало за нимъ этой заслуги. Причину этого явленія легче будетъ уяснить послѣ того, какъ мы разсмотримъ содержаніе философско-литературной дѣятельности Даламбера. Мы говорили уже объ огромномъ успѣхѣ его введенія въ энциклопедію. Въ литературѣ Даламберъ является преимущественно энциклопедистомъ. Лагарпъ, авторъ многотомнаго курса литературы, говоритъ, что Даламберъ былъ однимъ изъ пятерыхъ замѣчательныхъ писателей (четыре другіе Фонтенель, Бюффонъ, Монтескье, Кондильякъ), оказавшихъ громадныя услуги истинной философіи. Заслуга Даламбера состоитъ въ томъ, что онъ привелъ въ порядокъ и пролилъ истинный свѣтъ на всѣ знанія, пріобрѣтенныя человѣчествомъ до того времени.

Въ 1759 году Даламберъ издалъ свои элементы философіи, о которыхъ Кондорсэ въ похвальной рѣчи Даламберу высказываетъ слѣдующее мнѣніе: въ этомъ сочиненіи Даламберъ даетъ критическую оцѣнку главныхъ основъ и истинныхъ методовъ различныхъ наукъ; онъ указываетъ на то, чего слѣдуетъ избѣгать въ каждой наукѣ, чтобы не сбиться съ пути. Трудно указать другую книгу, которая бы при такомъ сжатомъ объемѣ заключала столько истинъ. О каждой наукѣ онъ говорилъ *свойственнымъ* ей языкомъ, употребляя вездѣ подходящія и точныя выраженія, значительно облегчающія пониманіе ихъ читателю, даже мало привыкшему къ отвлеченнымъ понятіямъ. Этотъ трудъ имѣетъ глубокое воспитательное значеніе; онъ долженъ сдѣлаться настольною книгою всѣхъ людей, и просто образованныхъ, и ученыхъ. Первымъ онъ легко даетъ ясное понятіе о различныхъ областяхъ знанія, а вторыхъ заставляетъ глубже заглянуть въ ту науку, которой они занимаются. Въ каждой наукѣ встрѣчаются предубѣжденія, которыя вредятъ ея успѣхамъ и отъ которыхъ не могутъ застраховать никакія знанія и никакой геній, а только одно истинно философское отношеніе къ дѣлу».

Философія Даламбера является такимъ образомъ какъ бы продолженіемъ и усовершенствованіемъ философіи Бэкона. Изъ современныхъ намъ философовъ Вильгельмъ Вундтъ преслѣдуетъ приблизительно тѣже цѣли.

Элементы философіи заключаютъ въ себѣ также воззрѣнія Даламбера на нравственность. Онъ возмущается несправедливымъ, неравномѣрнымъ распредѣленіемъ земныхъ благъ между

людьми, ставитъ въ обязанность каждому довольствоваться малымъ, чтобы не захватывать части другого. Эти вопросы нравственности долго мучили его и мѣшали появиться въ свѣтъ новому изданію его «Элементовъ философіи».

И въ другихъ мелкихъ статьяхъ Даламберъ являлся неизмѣннымъ энциклопедистомъ; нѣкоторыя изъ нихъ впрочемъ носятъ полемическій характеръ; къ первымъ безспорно принадлежатъ Explication detaillée du système des connaissances humaines (Подробное объясненіе системы человѣческихъ знаній); Observations sur la division des sciences du chancelier Bacon (Обзоръ дѣленія наукъ канцлера Бэкона) и др.; къ послѣднимъ— сочиненіе о іезуитахъ, которое возбудило противъ него многихъ и причинило ему много непріятностей; наконецъ, надѣлавшая много шума статья: Essai sur les Gens de Lettres (Замѣтка о писателяхъ). Въ послѣдней онъ говоритъ между прочимъ: истинное мужество писателя состоитъ въ борьбѣ; въ томъ, чтобы сражаться съ общественными предразсудками и пороками, не затрогивая личностей и повинуясь закону. *Свобода*, *истина* и *бѣдность*, эти три слова, по мнѣнію Даламбера, всегда должны имѣть передъ глазами писатели, какъ люди, которымъ предстоитъ жить въ памяти отдаленныхъ потомковъ. Тотъ, кого страшитъ послѣднее слово, часто далекъ отъ двухъ первыхъ. Эта статья, гдѣ Даламберъ говоритъ съ сдержанной гордостью о меценатахъ, произвела въ обществѣ впечатлѣніе, котораго Даламберъ никакъ не ожидалъ; меценаты не только не обидѣлись, но похвалили независимость ученаго, а писатели на него набросились и нашли его гордость *возмутительною*.

Похвальныя рѣчи Даламбера, которыя безпрестанно приходилось ему говорить то во Французской академіи, то въ Академіи наукъ, были проводниками его идей и составляютъ вполнѣ опредѣленную, законченную ораторскую дѣятельность, также много послужившую разсѣянію мрака невѣжества и пробужденію добрыхъ чувствъ.

Мы говорили, что литературная дѣятельность Даламбера не брала его лучшихъ силъ; не смотря на это, какъ продуктъ геніальнаго, философскаго ума, она могла бы служить потомству, будь ея содержаніе нѣсколько иное. Если бы Даламберъ, какъ Шекспиръ, описывалъ человѣческія страсти, онъ и въ области

литературы стяжалъ бы себѣ безсмертное имя, потому что страсти вѣчны: пока человѣкъ будетъ существовать, онъ не перестанетъ ревновать и любить и будетъ проявлять это такъ же, какъ проявлялъ и въ отдаленные отъ насъ вѣка. Та же участь постигла бы сочиненія Даламбера, если бы онъ создалъ теорію нравственности или религіи, основы которыхъ были бы близки всякой человѣческой душѣ; но критическая оцѣнка знаній, убѣжденій и т. д. доступна не всѣмъ, къ тому же она *должна* измѣняться по мѣрѣ того, какъ человѣкъ прогрессируетъ умственно. Французская энциклопедія далеко опередила плодъ геніальнаго ума — энциклопедію Бекона, а теперь и она для насъ имѣетъ только историческое значеніе. Вотъ почему, по нашему мнѣнію, потомство не цѣнитъ Даламбера-писателя; онъ сдѣлалъ свое дѣло и принадлежитъ исторіи. Однако это замѣчаніе можетъ относиться къ его литературной дѣятельности вообще; многія же отдѣльныя мысли Даламбера новы и цѣнны даже въ настоящее время; въ этомъ могли бы убѣдиться читатели изъ приведенныхъ нами выписокъ, заимствованныхъ изъ его сочиненій.

Намъ остается упомянуть еще объ одномъ сочиненіи Даламбера «Начала музыки». Многихъ пожалуй удивитъ, что глубокій математикъ, рѣшившій вопросъ о колебаніи струнъ, занялся изложеніемъ теоріи музыки Рамо. Но Даламберъ хорошо понималъ, что математическая теорія не можетъ объяснить законовъ *музыки*, т. е. дѣйствія ея на сердце, въ которомъ много необъяснимаго, но глубоко интереснаго. Даламберъ очень любилъ музыку и проявилъ въ этомъ сочиненіи замѣчательную многосторонность. Отъ него мы перейдемъ къ выясненію его ученыхъ заслугъ въ области точныхъ наукъ; одно перечисленіе ихъ заняло бы много мѣста, поэтому мы укажемъ только главныя и постараемся опредѣлить общій характеръ его научной дѣятельности. Мы знаемъ многихъ ученыхъ, которые всю свою жизнь служатъ наукѣ, какъ ея вѣрные жрецы. Это ясные и спокойные люди не отъ міра сего; они относятся къ наукѣ благоговѣйно, какъ къ своей святынѣ; Даламберъ не принадлежалъ къ числу такихъ смиренныхъ богомольцевъ: онъ въ самые первые годы своей дѣятельности со всею пылкостью своего темперамента и молодости взялъ ее, какъ говорится, за чубъ, какъ свое неотъемлемое

счастье; мы знаемъ уже, что великій ученый всегда называлъ математику своей первой возлюбленной.

Какъ намъ уже извѣстно, черезъ два года послѣ вступленія своего въ Академію Даламберъ написалъ свой безсмертный трактатъ по теоріи движенія. Въ послѣдней необходимо различать два рода законовъ; одни выражаютъ логическія истины просто въ формѣ опредѣленій, другіе устанавливаютъ результаты наблюденія или общіе законы, выведенные изъ свойства тѣлъ, предполагаемыхъ находящимися въ абсолютномъ покоѣ и свободными: изъ законовъ второго рода до того времени былъ извѣстенъ только одинъ вполнѣ общій, это законъ разложенія силъ. Гюйгенсъ и Ньютонъ прекрасно воспользовались имъ для рѣшенія задачъ механики. Для движенія же несвободныхъ тѣлъ необходимо было открыть новый законъ. Даламберъ нашелъ его, когда ему было двадцать шесть лѣтъ. Этотъ законъ и носитъ въ настоящее время названіе *закона Даламбера*.

Этотъ законъ даетъ возможность для каждаго момента времени составить уравненіе между измѣненіями движенія тѣла и силами, которыя ихъ произвели, или другими словами, позволяетъ разложить дѣйствіе двигательныхъ силъ на двѣ части, разсматривая одну какъ исключительно идущую на движеніе тѣла во второй моментъ, а другую, служащую для уничтоженія того, которое оно могло имѣть въ предшествующій. Этотъ простой законъ, приводящій всѣ законы движенія къ разсмотрѣнію случаевъ равновѣсія, составляетъ великую эпоху въ преобразованіи физико-математическихъ наукъ. Даламберъ пришелъ къ нему, исходя изъ мысли, *что силы, дѣйствующія въ состояніи равновѣсія и въ состояніи движенія, должны быть однѣ и тѣ же*; въ первомъ случаѣ онѣ *всѣ* уничтожаются препятствіемъ, во второмъ случаѣ только *часть* ихъ. Простота и общность такого взгляда характеризуетъ истинно-философскій умъ Даламбера, который въ области механики явился преемникомъ Ньютона.

Въ 1744 г. Даламберъ приложилъ этотъ общій законъ къ теоріи равновѣсія и движенія жидкостей, и всѣ задачи, рѣшенныя до тѣхъ поръ математиками, являлись какъ бы частными случаями его закона. Чистая математика — дифференціальное и интегральное исчисленіе и теорія функцій также безгранично

обязаны Даламберу; вездѣ ему принадлежатъ новые методы анализа или строгая критика существовавшихъ тогда взглядовъ. Замѣчательно, что Даламберъ всегда приходилъ къ нимъ, занимаясь вопросами механики.

Теорія движенія жидкостей и вопросъ о колебаніи струнъ привели Даламбера къ особаго рода уравненіямъ, которыя требовали новыхъ пріемовъ исчисленія; честь открытія ихъ принадлежитъ также Даламберу. Они открыли для математической физики тотъ новый путь, по которому она такъ успѣшно идетъ и въ настоящее время.

Въ математикѣ часто представляются такіе вопросы, которые превосходятъ средства, находящіяся въ распоряженіи ея въ данный моментъ; тогда приходится прибѣгать къ философіи; для того, чтобы добраться до истины этимъ опаснымъ путемъ, недостаточно превосходно владѣть математикой, необходимы хорошо развитая тонкость ума и природное здравомысліе. Во всѣхъ этихъ вопросахъ Даламберу принадлежитъ безспорное первенство. Къ числу такихъ вопросовъ можно отнести свойства логариѳмовъ отрицательныхъ чиселъ; этотъ вопросъ былъ поднятъ Лейбницемъ и Иваномъ Бернулли, затѣмъ разработанъ Эйлеромъ и Даламберомъ; первый слѣдовалъ Лейбницу, второй держалъ сторону Бернулли.

Первыя начала движенія, напримѣръ законъ рычага, разложенія силъ и другія, кажутся намъ такими осязательными простыми истинами, что желаніе доказать ихъ является слѣдствіемъ большой требовательности ума и представляетъ огромныя трудности. Но мы видимъ, что Даламберъ съ успѣхомъ нашелъ доказательство ихъ въ теоріи аналитическихъ функцій.

Мы думаемъ, что сказаннаго достаточно для того, чтобы получить понятіе не только огромадности заслугъ Даламбера въ области механики и математики, но также составить мнѣніе о ихъ особенностяхъ. И въ той, и въ другой Даламберъ является глубокимъ и проницательнымъ философомъ: но обращаясь къ философіи, онъ неизмѣнно остается осмотрительнымъ и строгимъ математикомъ.

Мы уже касались заслугъ Даламбера въ области астрономіи, говоря о дѣятельности его въ Академіи наукъ, объ отношеніяхъ его къ Лапласу. И здѣсь, какъ и въ механикѣ, онъ продолжаетъ труды Ньютона. Съ величайшимъ успѣхомъ великій математикъ

приложилъ найденный имъ законъ механики къ движенію точекъ равноденствія и одно его это сочиненіе «О предвареніи равноденствій», относящееся къ этому трудному предмету, какъ мы сказали, могло бы сдѣлать его безсмертнымъ.

Гиппархъ нашелъ, что полюсы земли не измѣняютъ своего положенія на земной поверхности; полюсы же неба, напротивъ, непрерывно измѣняютъ мѣсто относительно неподвижныхъ звѣздъ. Полюсъ неба двигается по окружности, проходя дугу въ 50″ въ годъ и совершая приблизительно въ 25 тысячъ лѣтъ свой оборотъ. Экваторъ, перпендикулярный къ линіи, соединяющей полюсы, вращается вмѣстѣ съ нею; вслѣдствіе этого онъ пересѣкаетъ неподвижную плоскость эклиптики въ двухъ точкахъ, измѣняющихъ свое положеніе. Эти точки и суть точки равноденствія; онѣ совершаютъ свой оборотъ, какъ и полюсъ неба, въ двадцать пять тысячъ лѣтъ.

Всѣ послѣдующія астрономическія наблюденія подтвердили открытіе древняго астронома. Идутъ вѣка и вмѣстѣ съ этимъ равномѣрно двигаются точки равноденствія, возбуждая вопросъ, какая сила производитъ и регулируетъ это движеніе? Ньютону пришла мысль искать рѣшеніе этого вопроса въ механикѣ; онъ приписалъ причину этого непрерывнаго перемѣщенія оси міра притягательному дѣйствію солнца на землю, представляющую неправильное и неоднородное тѣло. Даламберъ, помощью анализа, доказалъ вѣрность этого предположенія Ньютона.

Итакъ мы видимъ, что въ астрономіи, какъ въ математикѣ, Даламберъ былъ преемникомъ Ньютона, а продолженіе его труда приняли на себя Лагранжъ и Лапласъ; переписка его съ первымъ съ начала и до конца носитъ чисто научный характеръ. Нужно ли говорить, что Даламберъ былъ членомъ всѣхъ въ то время существовавшихъ академій наукъ и въ томъ числѣ нашей петербургской Академіи; послѣднюю онъ глубоко уважалъ и въ письмахъ своихъ отзывался о ней: «эта просвѣщенная академія». Онъ принималъ очень дѣятельное участіе въ ученомъ спорѣ относительно задачи, извѣстной тогда подъ именемъ «Петербургской». Задача принадлежала къ теоріи вѣроятностей. Работы Паскаля, Якова Бернулли и Гюйгенса не могли однако внушить Даламберу почтеніе къ этой новой отрасли математики. Тогда многіе математики увлекались ею и прилагали ее безъ разбора

къ вопросамъ, по самой своей природѣ не подлежащимъ ей. Можетъ быть, это и отталкивало Даламбера отъ самой теоріи вѣроятностей. Онъ впадалъ въ другую крайность, отрицая ея принципы, вѣрность которыхъ оправдало будущее. Это легко объясняется тѣмъ, что у Даламбера не было времени хорошенько вникнуть въ теорію, узко-практическія приложенія которой были ему такъ глубоко антипатичны.

Мы упоминаемъ объ этомъ, не желая скрывать правды, въ которой много поучительнаго и сохраняя увѣренность, что отрицаніе теоріи вѣроятностей не только не умалитъ безсмертныхъ научныхъ заслугъ Даламбера, но еще болѣе освѣтитъ основную черту его характера, т. е. презрѣніе ко всему практическому, въ тѣсномъ смыслѣ этого слова.

VI.

Мысли Даламбера о воспитаніи женщинъ, театрѣ и искусствѣ переводитъ.

Въ письмѣ Даламбера къ Руссо мы встрѣчаемъ слѣдующее мнѣніе о женщинахъ и ихъ воспитаніи. На вопросъ Руссо: гдѣ же найти милую и добродѣтельную женщину? онъ отвѣчаетъ: «Жалокъ былъ бы родъ человѣческій, если бы достойный предметъ нашего поклоненія встрѣчался бы дѣйствительно такъ рѣдко, какъ вы полагаете. Но если допустить, что это такъ и въ дѣйствительности, то какая этому можетъ быть причина? Никакой другой, кромѣ рабства, на которое мы сами обрекли женщину; заботимся-ли мы сколько нибудь о развитіи ея ума и ея души? Мы говоримъ съ ней особеннымъ языкомъ, похожимъ на дѣтскій лепетъ; мы даемъ ей воспитаніе, убивающее ея способности, мы съ дѣтства предписываемъ ей заглушать чувства, скрывать мнѣнія, искажать мысли; мы поступаемъ съ ней какъ съ природой въ нашихъ садахъ: украшая, мы ее уродуемъ.

Женщины слабѣе насъ тѣломъ, но развѣ слабость тѣла служила когда нибудь препятствіемъ для достиженія чего нибудь великаго на поприщѣ науки, искусства и жизни? Можетъ быть, болѣе основательное мужское воспитаніе открыло бы женщинѣ путь къ новой дѣятельности. Декартъ считалъ женщинъ болѣе склонными къ философіи, чѣмъ мужчинъ, и несчастная принцесса была его лучшею ученицею. Вы, милостивый государь, относитесь къ женщинѣ, какъ къ побѣжденному народу, который хотите еще лишить оружія. Между тѣмъ общество только выиграетъ отъ образованія женщинъ; но не говоря уже объ этомъ, я нахожу просто негуманнымъ и несправедливымъ лишать ихъ того, что даетъ столько истинныхъ на-

слажденій, столько утѣшенія въ жизни. Не намъ, испытавшимъ на себѣ всю благотворность и прелесть умственнаго труда, закрывать путь къ нему женщинѣ. Вы—истинные философы, это ваша обязанность ваше дѣло уничтожать, если возможно, гибельный предразсудокъ. Если Богъ послалъ вамъ самимъ дочерей, покажите примѣръ, отрѣшитесь отъ предразсудка и дайте дочерямъ такое же человѣческое образованіе, какое даете вы сыновьямъ. Пусть только женщины, получивъ такое образованіе, употребятъ его на пользу, а не на удовлетвореніе своего тщеславія».

Эти мысли конечно теперь не новы; но онѣ были высказаны Даламберомъ въ половинѣ прошлаго столѣтія. Послѣ него многіе писали о женскомъ воспитаніи, но изъ всѣхъ тѣхъ, кто говорилъ приблизительно тоже, въ комъ можно встрѣтить больше задушевности и изящной, изысканной простоты?

Въ томъ письмѣ, изъ котораго мы заимствовали эти мысли, Даламберъ излагаетъ Руссо свои взгляды на удовольствія вообще и на театръ въ частности. Руссо говоритъ, что удовольствія лишни для человѣка; нечего отдавать имъ много времени, жизнь такъ коротка; время дорого. Въ отвѣтъ на эту мысль Даламберъ замѣчаетъ, что жизнь не только коротка, но и полна всякаго рода несчастій, а пріятнаго въ ней очень мало; поэтому нельзя не разрѣшить людямъ легкихъ развлеченій, которыя дали бы имъ минутное забвеніе отъ горькой участи страдать и умирать

Что касается театральныхъ зрѣлищъ, то они, по мнѣнію Даламбера, страдаютъ только тѣмъ, что доставляютъ намъ слишкомъ слабое удовольствіе; въ нихъ чувствуется безсиліе вызвать ту иллюзію, которая необходима, чтобъ перенесть насъ въ другой міръ.

«Разумѣется, наши удовольствія должны бытьчисты и просты; мы должны умѣть находить ихъ въ исполненіи обязанностей гражданина, друга, мужа, сына и отца; но для этого необходимо сдѣлать эти обязанности менѣе мучительными, менѣе обременительными; сдѣлайте народы болѣе счастливыми, друзей болѣе нѣжными и постоянными, родителей болѣе справедливыми, дѣтей болѣе ласковыми, женъ болѣе вѣрными и правдивыми, тогда мы въ состояніи будемъ довольствоваться только тѣми радостями, которыя можетъ дать дружба, патріотизмъ, природа и любовь. Немногіе способны, какъ вы, искать счастье въ грустномъ

и монотонномъ спокойствіи уединенія. Но развѣ вы сами не чувствуете, что всего этого всетаки мало? Развѣ посреди труда и отдыха у васъ никогда не является потребности развлеченія? А если и нѣтъ, то нельзя думать лишь о себѣ, слѣдуетъ принять во вниманіе интересы общества, которое лишилось бы многаго, если-бы всѣ мудрецы вели такую замкнутую жизнь, какъ вы; вспомните Спасителя, онъ жилъ окруженный своими ближними, училъ на людяхъ; ни короли, ни философы не имѣютъ права чуждаться людей».

Театръ, по мнѣнію Даламбера, долженъ служить этому сближенію людей между собою; всякая служба, всякое научное занятіе, всякое ремесло обособляетъ человѣка, замыкаетъ его въ тѣсный, иногда даже ограниченный кругъ; театръ же, если бы онъ находился на высотѣ своего призванія, можетъ переносить человѣка въ совершенно иной міръ, открывать новыя, неизвѣстныя ему чувства. Театръ въ состояніи заставить богача понять положеніе нищаго, ученаго войти въ положеніе неуча и т. д.

«Вы говорите, что театръ возбуждаетъ страсти? Напротивъ, онъ учитъ насъ побѣждать ихъ, вызывая противоположныя. Назначеніе трагедіи и состоитъ именно въ этомъ; она раскрываетъ передъ нами глубокую любовь къ отчизнѣ, одушевляющую Брута, чтобы излѣчить насъ отъ личнаго тщеславія и т. д. Я думаю, что когда человѣкъ слушается разсудка, то онъ понимаетъ, что одна только добродѣтель можетъ сдѣлать его счастливымъ. Но разсудку приходится бороться съ нашими страстями, они его заглушаютъ; театръ и долженъ явиться на помощь разсудку, воскрешая и запечатлѣвая въ нашемъ умѣ истины нравственности. Можетъ быть, его вліяніе не такъ сильно, чтобы исправить порочныхъ людей, но онъ въ состояніи удержать отъ нравственнаго паденія. Мораль—это все равно, что медицина, которая скорѣе можетъ предупредить зло, чѣмъ его искоренить. Вы соглашаетесь, что театръ можетъ возбуждать добрыя чувства, но считаете ихъ легкими и скоропроходящими. Съ этимъ нельзя согласиться. Живыя чувства, испытываемыя нами во время представленія, полезны какъ толчки, которые будятъ въ насъ чувство добродѣтели; вѣдь это огонь, въ который необходимо время отъ времени подливать масло и поддерживать, чтобы онъ не изчезнулъ въ насъ совершенно.

Вотъ, милостивый государь, естественные плоды нравственной философіи, проводимой въ жизнь помощью театра; это все, чего можно отъ него ожидать».

Высказанныя мысли Даламберъ подтверждаетъ различными примѣрами, разсматривая различныя трагедіи. За этой полемикой Даламбера съ Руссо всѣ слѣдили въ то время съ большимъ интересомъ и всѣ чувствовали, что правъ Даламберъ, но отдавали преимущество краснорѣчію Руссо.

Переводъ знаменитой лѣтописи римскаго историка Тацита доставлялъ Даламберу, какъ видно изъ его писемъ, огромное удовольствіе; онъ пишетъ: «дѣлю время между своею законной женой (математикой) и Тацитомъ». Переводъ Тацита служилъ ему какъ бы развлеченіемъ отъ упорнаго труда, требующаго большого напряженія ума. Въ предисловіи своемъ къ этому переводу онъ говоритъ объ искусствѣ переводить съ одного языка на другой. Нѣкоторыя его мысли отличаются большою оригинальностью и въ то же время онѣ въ высшей степени просты, какъ все истинное. «Мы встрѣчаемъ иногда, говоритъ онъ, очень умныхъ иностранцевъ, легко и свободно изъясняющихся на нашемъ языкѣ; думая на своемъ собственномъ языкѣ, они переводятъ свои мысли на нашъ языкъ и намъ часто приходится сожалѣть, что употребляемые ими своеобразные, сильные обороты рѣчи у насъ не приняты. Разговоръ такихъ иностранцевъ, если онъ не заключаетъ въ себѣ ничего неправильнаго, есть образецъ хорошаго перевода. Оригиналъ слѣдуетъ передавать на нашъ языкъ, не церемонясь особенно съ послѣднимъ, но дѣйствуя съ той благородной свободой, которая особенный отпечатокъ одного языка сообщаетъ другому, придавая послѣднему новую прелесть. Это и придаетъ переводу лучшія качества; онъ становится естественнымъ и легкимъ, заключаетъ въ себѣ особенности оригинала и вноситъ нѣчто новое въ нашъ собственный языкъ. Такіе переводы служатъ къ обогащенію языка. Сообразуясь съ этими общими требованіями, переводчикъ долженъ еще стремиться сохранить особенности писателя; это возможно только, если между писателемъ и переводчикомъ существуетъ какое нибудь духовное сродство».

Даламберъ считаетъ непроизводительнымъ и даже вреднымъ переводить каждаго автора цѣликомъ; это замѣчаніе относится къ

древнимъ писателямъ. Онъ совѣтуетъ переводить только избранныя, лучшія мѣста, которыя производятъ сильное впечатлѣніе на самого переводчика. Слѣдуя этому правилу, онъ самъ перевелъ отрывки изъ лѣтописи Тацита. Такимъ образомъ все, что есть лучшаго въ писателѣ, является болѣе сосредоточеннымъ и дѣйствуютъ на читателя болѣе интенсивно. Это, по мнѣнію Даламбера, надо главнымъ образомъ имѣть въ виду, знакомя дѣтей съ древними классиками; ребенку надо давать въ руки только сочиненія немногихъ избранныхъ писателей, и то въ такомъ сокращенномъ видѣ; у каждаго писателя есть произведенія лучшія, посредственныя и даже слабыя; иногда въ одномъ и томъ же произведеніи возможно исключить все, въ чемъ нѣтъ ничего замѣчательнаго. Такимъ образомъ, дѣти въ короткое время познакомятся со всѣмъ, что есть лучшаго въ древнихъ классикахъ.

Это имѣлъ въ виду Даламберъ, переводя отрывки изъ Тацита. Онъ говоритъ: «все, что я перевелъ, мнѣ кажется, будетъ достаточно для знакомства со всѣми разнообразными достоинствами этого несравненнаго историка, который такъ сильно, правдиво и тонко умѣлъ описывать характеры людей, такъ трогательно изображалъ великія событія и съ такимъ глубокимъ чувствомъ говорилъ о добродѣтели. Онъ обладалъ истиннымъ краснорѣчіемъ, т. е. умѣлъ говорить просто о важныхъ предметахъ. Послѣдняя похвала справедлива и относительно самого Даламбера.

КОНЕЦЪ.

ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННАГО КРУЖКА. БИБЛІОТЕКА